Виталий Губарев
Преданье старины глубокой

76

Издательство
«Малыш» 1970 г.

Уважение к древности есть признак истинной просвещённости...

Ф. ЭНГЕЛЬС

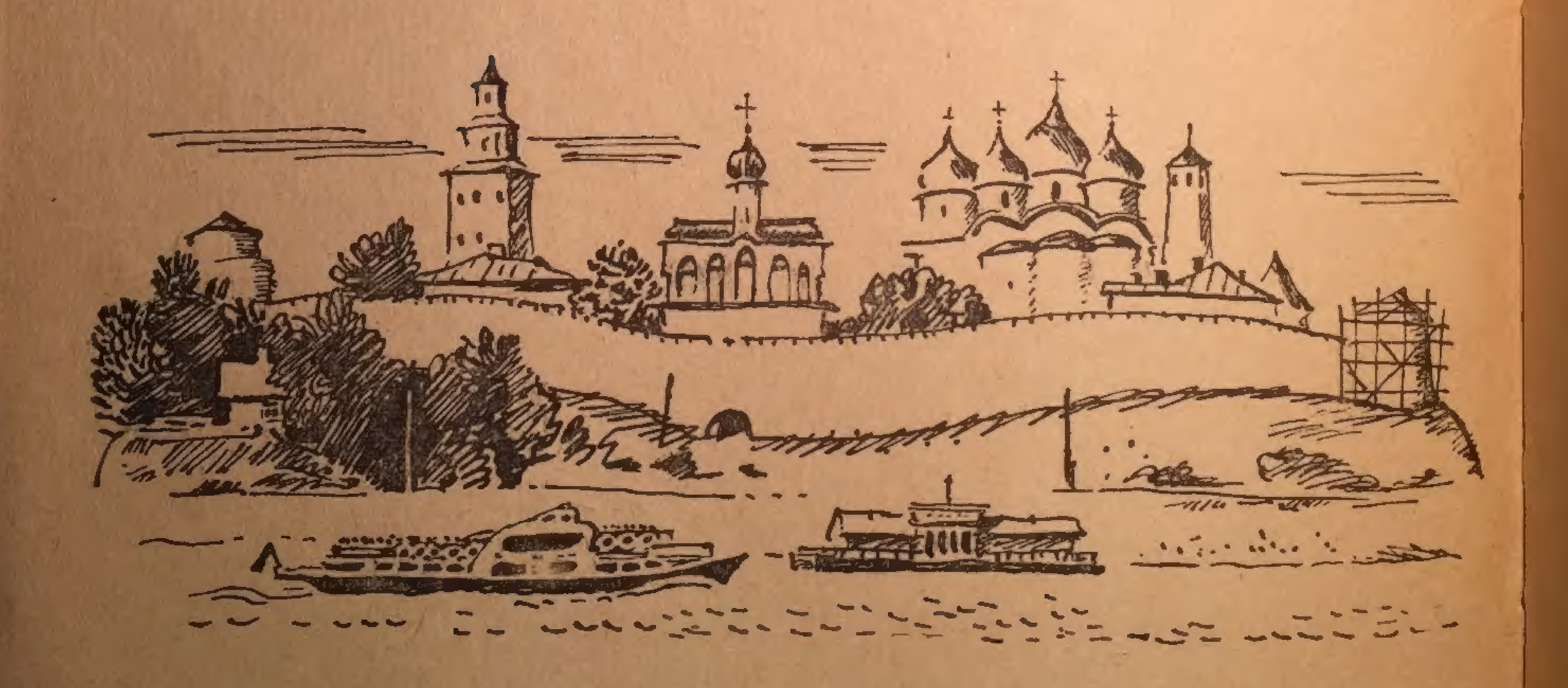
Учитесь любить Русь...

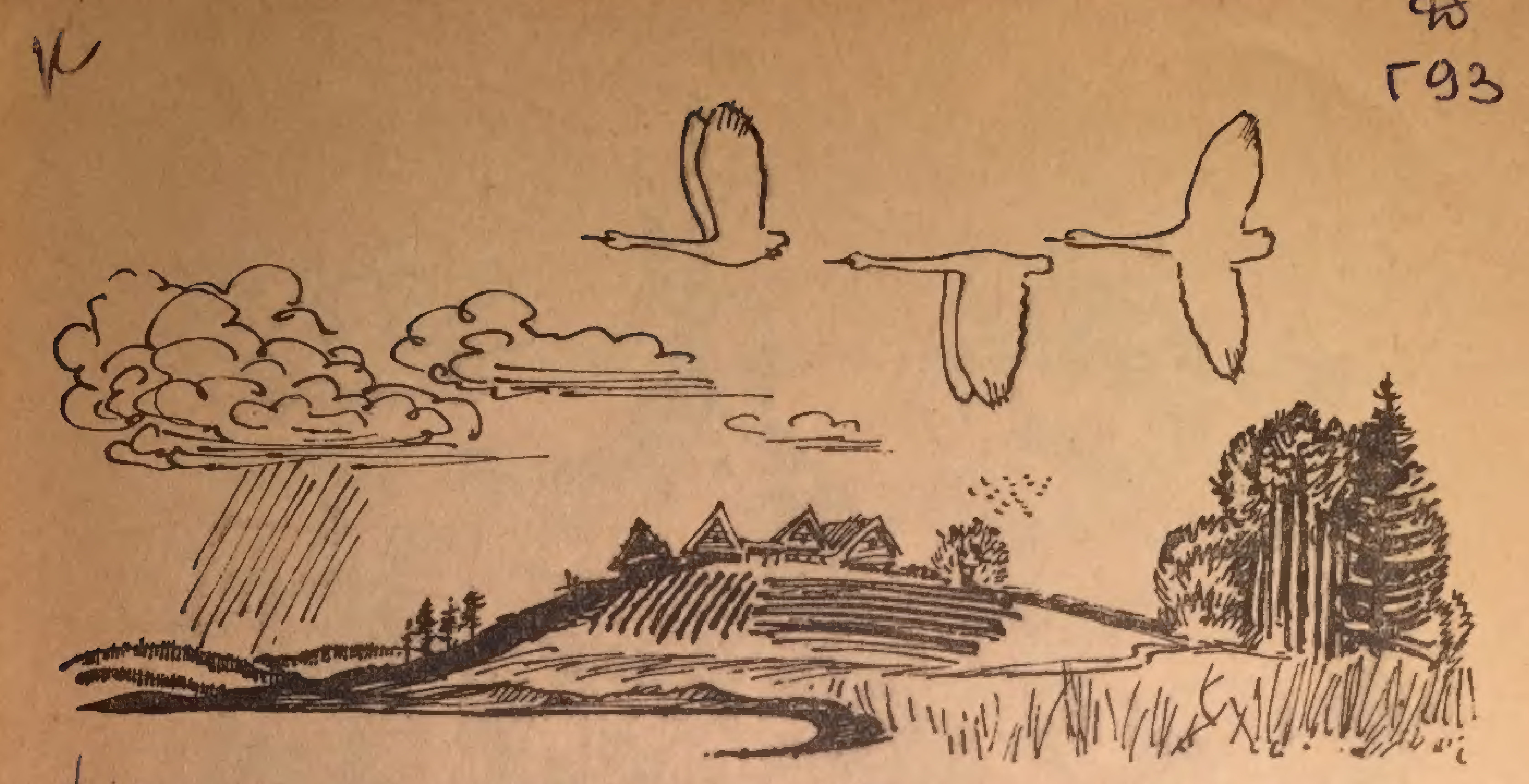
М. ГОРЬКИЙ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

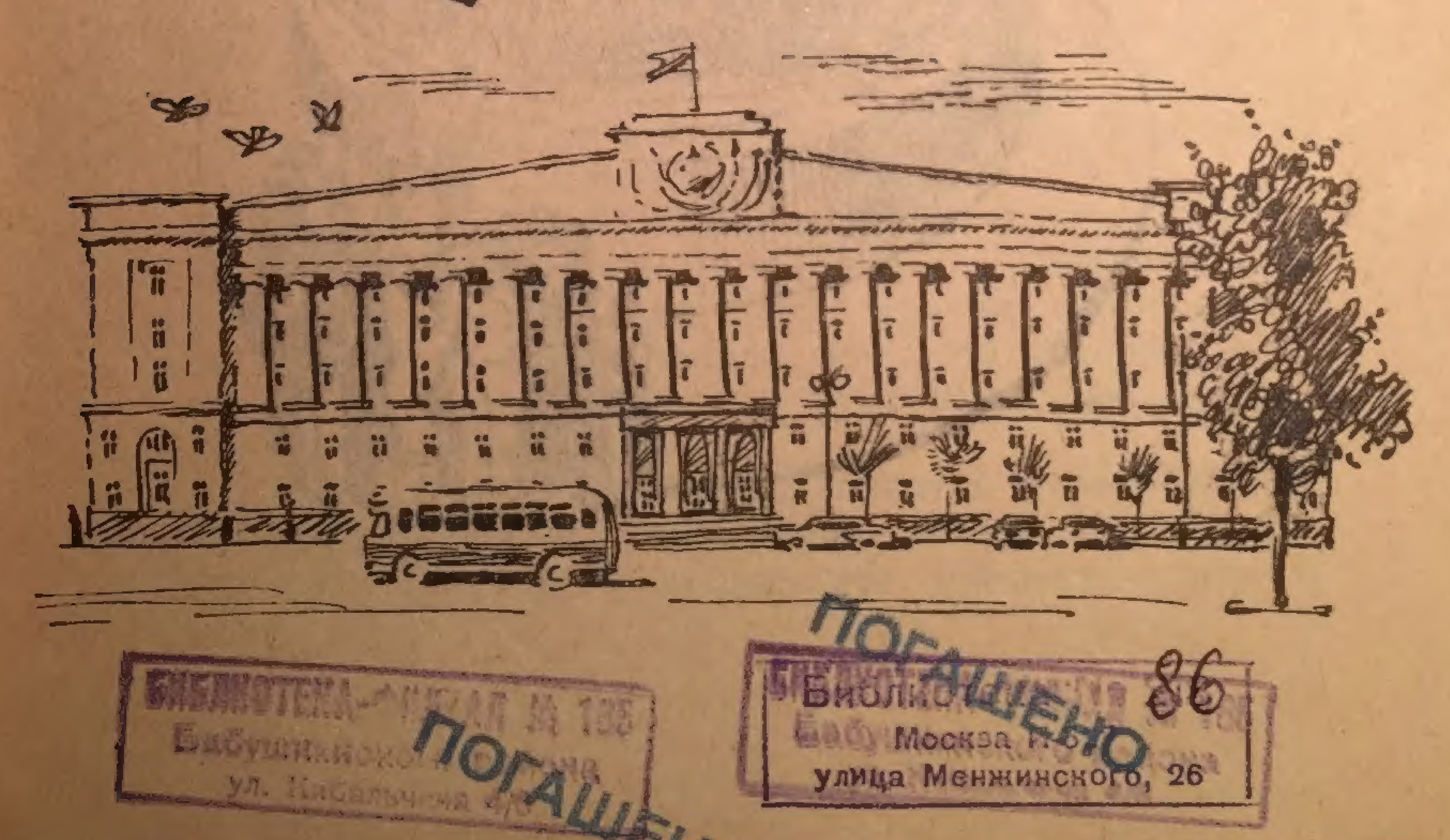
ХУДОЖНИК В. ЛОСИН

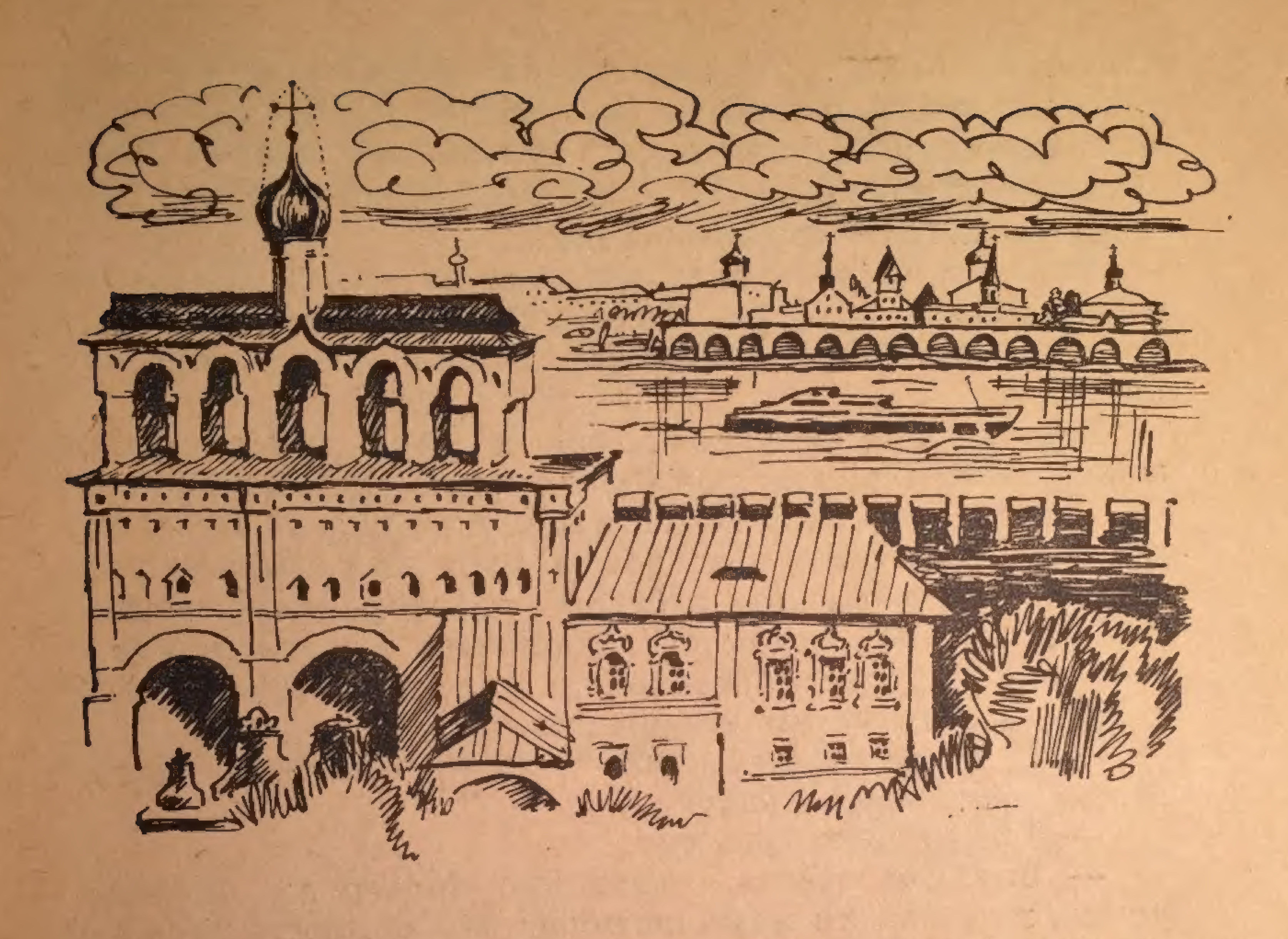

Виталий Губарев

Преданье старины глубокой

ФЕЯ МЕЧТА

Есть такие скучные люди, которые не верят в Волшебство. Не верь этим людям, дружок! Я даже знаю имена некоторых волшебников: Любовь, Дружба, Честность.

Красивые имена, правда?

А однажды я познакомился с одной доброй феей. Её зовут Мечта. К иным мальчикам и девочкам она является даже среди ясного дня. Другие встречаются с феей Мечтой во сне. Я уверен, что и ты знаком с ней.

Вот какая история произошла совсем недавно в славном городе Новгороде.

В самом центре этого города майским утром на балконе четвёртого этажа сидели брат и сестра, Игорь и Таня. Оба они были одногодками, оба учились в одном

классе, и так как они родились близнецами, то и не мудрено, что очень походили друг на друга. Оба были светловолосыми и голубоглазыми, у каждого правая бровь чуть-чуть повыше левой. А их одинаково пухлые губы пунцовели, как спелые черешни.

Впрочем, была между ними и разница: Игорь пошире в плечах и на его переносице отчётливо виднелся кривой шрам — след какой-то давнишней мальчишеской битвы.

В то воскресное утро Игорь и Таня скучали. Они молча смотрели, как под балконом по мокрому, только что политому дворником асфальту то и дело проезжают, шурша шинами, автобусы. Потом их внимание привлекла мороженщица в белом халате, открывающая свой стеклянный ларёк в зелени сквера. Двое мальчишек уже выжидательно остановились перед ларьком, на их лицах было написано нетерпение.

— У тебя нет немножко денег? — спросил сестру Игорь, облизывая губы.

— Нет,— вздохнула она.

— Вот так всегда,— тихонько проворчал он,— неужели ни папа, ни мама не могли нам оставить хотя бы копеек двадцать на двоих.

— Им сейчас не до нас,— снова вздохнула Таня,— они, кажется, нашли на своих раскопках что-то очень интересное про древний Новгород и уходят из дома ни свет ни заря.

— Ха!— невесело воскликнул Игорь.— Что-то очень интересное! Обыкновенная берестяная грамота. Вот уж я не хотел бы стать археологом, как они! Даже по выходным дням копаются в земле из-за какого-то кусочка бересты!

— Ну, уж тут ты не прав, Игорь,— сказала она,— ведь по этим кусочкам мы узнаём, как жили наши предки много столетий назад! Ты только представь себе: бумаги тогда не было, грамотные люди царапали письма на кусочках древесной коры! Мама говорит, что эти письма помогают увидеть прошлое. Да ведь ты сам лю-

бишь историю, я знаю. У тебя просто плохое настроение, потому что мы не можем купить мороженое.

Игорь помолчал.

— Конечно, увидеть прошлое — это интересно,— задумчиво проговорил он наконец.— Только я хотел бы увидеть его не нацарапанным на деревяшке, а своими глазами. Так, как мы видим эту мороженщицу и вот этот автобус. Вот бы познакомиться с моим тёзкой князем Игорем, когда он был такой, как я!

И здесь произошло чудо. За их спинами раздался негромкий, но очень мелодичный смех, похожий на звон маленького колокольчика. Они разом обернулись и застыли с приоткрытыми ртами: на пороге балкона стояла очаровательная девушка с распущенными до пояса

золотистыми волосами. На ней было лёгкое и длинное — до самых пят — платье, словно сделанное из серебристого шёлка. Но самое удивительное было в том, что незнакомка была прозрачной, как туман, как неясный дымок, который поднялся над костром и на мгновение застыл в тихом воздухе. Необычная девушка насквозь просвечивалась солнцем: сквозь шевелящиеся под ветром складки её платья Игорь и Таня видели комнату, паркет с тенями от оконной шторы и отцовский письменный стол, в центре которого на белом листе лежала берестяная грамота.

— Извините...— приходя в себя, прошептала Таня.— Кто вы?

— Фея Мечта,— прозвенел голос, и её лицо озарилось доброй улыбкой.— Вы действительно хотите посмотреть прошлое своими глазами?

— Да,— после небольшой паузы сказал Игорь.

— А ты, девочка?

— Разумеется, хочу! — вырвалось у порозовевшей Тани.

Фея взмахнула рукой, и вокруг всё сразу потемнело.

— Итак,— продолжал звенеть её голос,— пусть будет по-вашему...

Длинь-длинь-длень!
Воротись, прошедший день!
Время, мчись наоборот!
Воротись, прошедший год
Во-семь-сот
во-семь-де-сят
вто-рой!...

Голос умолк, и стало совсем темно.

— Игорь, где ты? — шёпотом спросила Таня и, отыскав в темноте руку брата, крепко сжала её.— Мне страшно... Что всё это значит?

— Не знаю...— таким же шёпотом ответил он.— Фея сказала, что сейчас восемьсот восемьдесят второй год...

— Ужас! — воскликнула сестра.— Из нашей жизни каким-то непонятным образом исчезла целая тысяча лет!

— Даже больше чем тысяча лет!

— Что мы будем теперь делать?

— Посмотрим...

— Что смотреть, когда кругом ни зги не видно!

— А вон я вижу какой-то свет... Слушай, Таня, это же утренняя зорька! Скоро взойдёт солнце!

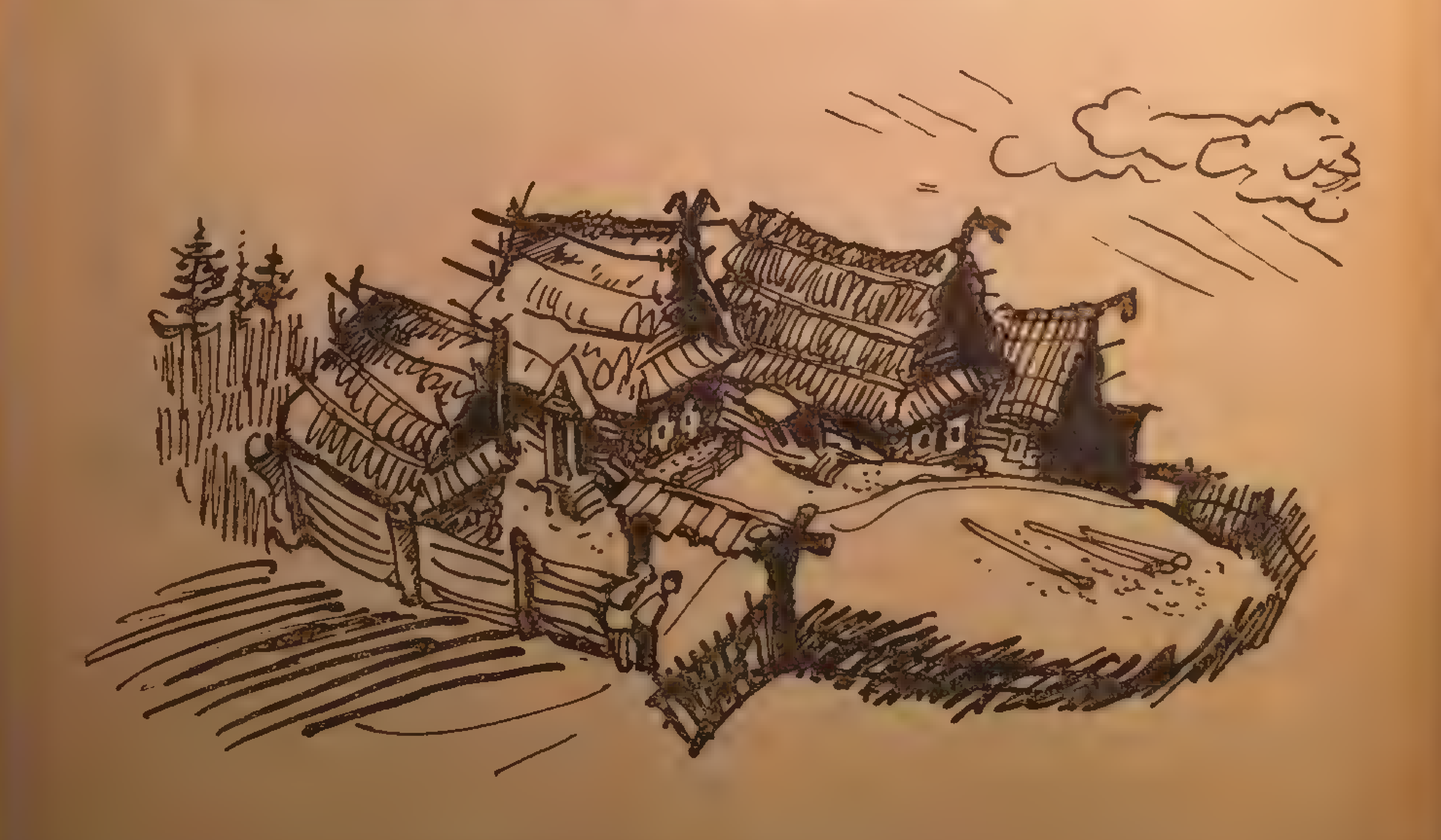
ГОРДЕЙ, СЫН МИКУЛЫ

Действительно, за чёрной грядой недалёкого леса розовело небо.

Они огляделись. На холме, над неясной в сумраке рекой, поднимались бревенчатые стены старой крепости со шпилями и башнями. Пониже виднелись усадьбы с высокими и ладно сколоченными тынами — стоймя бревно к бревну, остриём к небу. Кривые улочки тянулись от крепости в разные стороны и под конец разбегались беспорядочно построенными бедными хижинами. Чем дальше от крепости к лесу, тем беднее строение.

Хлюпала в реке вода о деревянный настил, низкие суда с опущенными парусами покачивались на волнах. Было слышно, как там, на пристани, со скрипом тёрлись борт о борт два судёнышка. Ночной сторож стучал колотушкой и время от времени хрипловато покрикивал: «Чу-ую! Чу-ую!»

Утренний ветер резво налетел на Игоря и Таню. Он принёс запахи речной сырости и конюшен.

И вдруг косой дождь из небольшой тучки, что нечаянно выползла из-за леса, тонкими бичами захлестал по траве. Таня взвизгнула и, подобрав юбку, стремглав понеслась к ближайшей хижине.

— Скорей, Игорь, скорей! — кричала она на бегу.— Иначе мы вымокнем до нитки!

Они перескочили через низкую полуразвалившуюся деревянную ограду и в четыре руки забарабанили в покосившуюся дверь.

За дверью зашаркали ногами, сонный голос подростка испуганно спросил:

— Кто там еси?

— Да открой же, пожалуйста! — жалобно простонала Таня.

Должно быть, голос девочки успокоил его. Запор защёлкал, дверь распахнулась, и в лучах выглянувшего из-за тучки утреннего солнца они увидели вихрастого паренька в длинной домотканой рубахе. Лицо паренька неожиданно скривилось от страха. Он отступил и замахал руками.

— Мара! — диковато бормотал он. — Мара! О, Перун, спаси мя!

— Он принимает нас за привидения! — сказал Игорь.— И, кажется, просит, чтобы его спас главный языческий бог Перун!

Паренёк упал на колени.

— Отче нету, мати нету,— в отчаянии заламывал он руки,— не троньте бедного смерда [1]!

Серые расширившиеся глаза паренька совсем побелели от ужаса. Он сжался и умолк, схватившись за голову, словно защищая её от удара. В гриве его спутанных каштановых волос торчали соломинки.

— Отче нету... — вдруг снова забормотал он.— Мати нету... Один я еси и в хиже, и на всём свете под ярилом...

— Один я и в хижине, и на всём свете под солнцем,— перевёл Игорь подумав.

У Тани задёргался подбородок.

— А где твои... отче и мати? — сдавленным голосом спросила она и смахнула со щеки тёплую слезу.

— Все от глада мрем,— быстро заговорил паренёк, уловив, по-видимому, сочувствие в её словах.— Беда, беда! Рубища на чересах [2] носим, на пепле спим... Тиун [3] вельми хитёр: всё дай да дай боярину! Мяса дай, мёда дай, гречихи дай! А что дать? Не токмо мяса, горстки гречихи нету! Беда, беда!

Таня обвела глазами хижину. Пусто в хижине. У стены голый помост, посредине холодный каменный очаг без дымохода. Пахнет в хижине задымленным деревом, золой и давно немытой одеждой. В маленькое оконце, затянутое бычьим пузырём, едва пробивались лучи солнца. Большой паук свил у оконца паутину и притаился под притолочиной, выжидая жертву.

— Как зовут тебя? — спросила Таня вздыхая.

---

[1] Крестьянин.
[2] Тело.
[3] Сборщик податей.

Паренёк не ответил, должно быть, не понял вопроса.

— Встань, пожалуйста, с колен... Очень прошу...

Паренёк поднялся и, осмелев, открыл рот, чтобы сказать что-то, но в эту минуту за дверью прозвучал резкий мужской голос:

— Гордей!

Паренёк стремительно выскользнул за порог. Из сумрака хижины брат и сестра видели через открытую дверь, как к нему подошли два бородатых мужчины в синих кафтанах с бердышами [1] в руках.

— Гордей, сын Микулы? — спросил один из бородатых.

— Так,— кивнул Гордей и поклонился.

— Отче твой Микула брал у боярина Путяты купу [2] — одно гривно.

— О тиун! Отче помер и мати померла... Нет у меня мяса и мёда, чтобы гривно стоили... нечем купу покрыть...

— Отче твой,— усмехнулся тиун,— ныне на перуновых лугах мёд пьёт, а купа его на твоей душе висит. До месяца сеченя [3] должен ты был купу вернуть, а уж месяц цветень [4] давно прошёл. По слову князя будешь ты отныне отрабатывать купу боярину Путяте. А надумаешь бежать хоть на полудень [5], хоть на полуночь [6], всё одно найдут тебя княжьи мечники, и будешь ты батогами бит.

— Так,— прошептал Гордей и снова поклонился.

— Ступай на дворище боярина Путяты, Гордей!

Тиун повернулся, чтобы уходить, но тут его взгляд скользнул в открытую дверь хижины.

— Что за отроки еси?— изумлённо воскликнул он, разглядывая необычную одежду Игоря и Тани.— Эка

---

[1] Старинное орудие — топор с лезвием в виде полумесяца.

[2] Заём.

[3] Февраль.

[4] Апрель.

[5] Юг.

[6] Север.

невидаль! Уж не варяги[1] ли? Коли малые здесь, небось и большие близко... Давай-ка отведём мы их в детинец[2] пред ясны очи князя Олега. Князь разберётся, что к чему.

И охраняемые тиунами с поднятыми бердышами Игорь и Таня отправились в новгородский кремль девятого века.

---

[1] Выходцы со Скандинавского полуострова.

[2] Кремль.

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Сначала они шли берегом Волхова. Мутная река лениво плескалась о деревянный настил. Великие и малые лодии позванивали цепями, покачиваясь на волнах. Десятка два бородатых, но, как видно, молодых мужчин в холстяных рубахах ниже колен торопливо грузили на палубу большого судна бочки с мёдом и смолой и мешки с пенькой. Рослый купец в голубом кафтане зычно покрикивал на палубе:

— А ещё побыстрей, добры молодцы! Ныне плыть нам далече — аж за Русское море [1], до самых греков!

Грузчики кряхтели и молча шлёпали босыми ногами по мокрому настилу. А неподалёку от настила, нисколько не боясь людей, сидели на воде два серых кулика. Резко пахло рекой, смолою и свежей пенькой.

От пристани дорога свернула на холм. Игорь и Таня шли впереди тиунов по кривой улочке мимо высоких и крепких тынов. Худая собака с поджатым хвостом неторопливо бежала им навстречу.

— Ату тя, пёс! — крикнул один из тиунов и пристукнул бердышом о землю.

[1] Чёрное море.

Собака взвизгнула и исчезла в подворотне. Тиуны голосисто расхохотались.

Два всадника с мечами у пояса обогнали их и с любопытством оглянулись на пленников. Но всадники, судя по всему, торопились, они взмахнули плетями, кони перешли на галоп и быстро скрылись за широко распахнутыми тяжёлыми воротами кремля.

У ворот скучающий стражник принял у тиунов пленников и повёл их в княжеский терем с бесчисленными клетями и подклетями. Видно, много потрудились умельцы новгородские, когда воздвигали над Волховом этот громадный дом из брёвен.

По скрипучим ступеням Игорь и Таня поднялись в Большую палату княжеского терема.

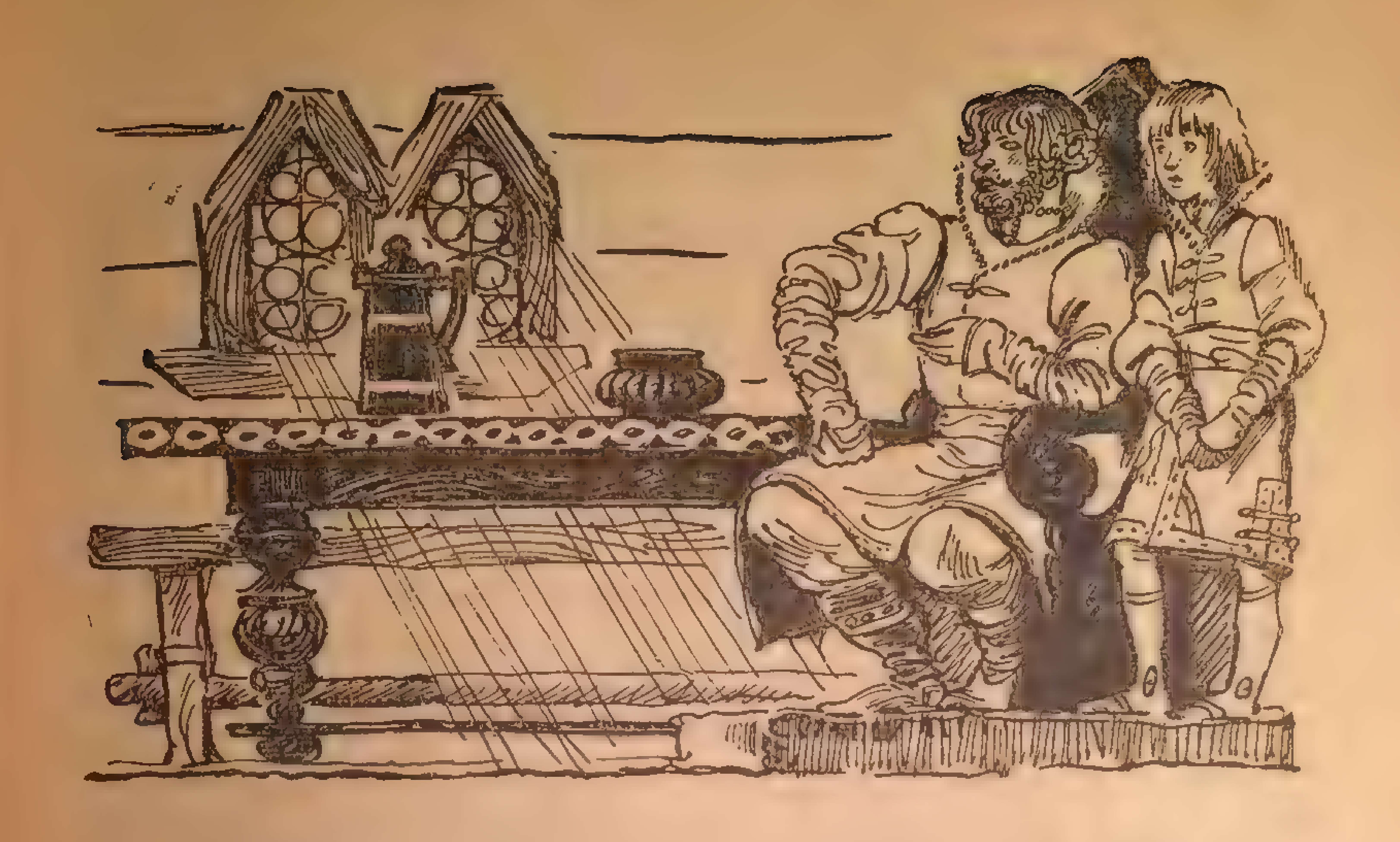
В Большой палате после яркого утреннего солнца было сумеречно. Неясно светились ряды узких окон, затянутых тончайшей желтоватой кожей. На каждом окне — железная решётка. Просторно и пусто в палате. Вдоль бревенчатых стен тянутся деревянные лавки, отшлифованные задами воевод, бояр да богатых купцов, кои собирались здесь по слову князя вершить дела древнего Новгорода.

Велика Большая палата княжеского терема — шагов шестьдесят в длину, шагов тридцать в ширину. Игорь и Таня стояли у порога Входной двери в самом центре палаты и тревожно озирались. Направо, у стены, в рост человека возвышался деревянный идол — Перун, с тяжёлым подбородком и золочёными, страшно поблёскивающими глазами. Налево, в другом конце палаты, виднелись резные двери в княжеские покои. Прямо, против этой двери, на небольшом помосте стояло дубовое кресло с высокой остроконечной опорой и закрученными к полу подлокотниками. От многочисленных окон на деревянный пол падали неясные столпы солнечного света. Пол был тщательно вымыт, на стёртых досках повсюду отпечатались царапины и вмятины от кованых сапог.

Резные двери вдруг неслышно распахнулись, и в палату быстрыми шагами вошли статный русобородый мужчина и такой же русоволосый сероглазый мальчик лет двенадцати-тринадцати. Игорь и Таня сразу заметили, что оба они одеты совершенно одинаково: на том

и на другом затканное серебром белое плато с длинными рукавами, широкий золотой пояс и красные сафьяновые сапоги. У того и у другого пышно вились русые волосы.

— Бью челом, княже! — сказал стражник, стаскивая с головы шапку.— На твой суд, для твоего слова, привёл двух отроков. Поймали их ныне в посаде Великого Новгорода тиуны боярина Путяты. Не варяги ли?

Князь Олег неторопливо сел в кресло и положил руки на подлокотники. Русоволосый мальчик стал рядом с ним и прижался плечом к креслу. Его большие серые глаза заблестели от любопытства.

— Подойдите,— негромко сказал князь красивым грудным голосом.

Игорь и Таня подошли к креслу.

— Кто вы еси, отроки? — услышали они уже знакомую фразу.

— Брат и сестра,— сказал Игорь, передохнув.

Олег усмехнулся.

— Вельми похожи! Двоядцы?

— Да, двояшки...

— А какого же вы роду-племени? Варяги?

— Нет, нет,— закачал головой Игорь,—мы русские!

— Русичи?

— Да, да, русичи! — Игорь растерянно посмотрел на сестру, и она прочла в его глазах то же, о чём подумала в эту минуту сама: если сказать, что они явились в Великий Новгород девятого века из будущего, из двадцатого века, князь Олег всё равно не поверит и посчитает их сумасшедшими.

— Кто же вы еси: древляне, кривичи, уличи[1]? А может, вы из полоцкой земли или из ростовской?— задумчиво спрашивал Олег, поглаживая пальцами русую бороду. — А ещё может статься, что родились вы во славном граде Киеве или во граде Смоленске?

— Да! — обрадовался Игорь.— Так и есть! Мы действительно родились в Смоленске, а потом переехали в Новгород!

— Речь твоя вельми странная, отрок, — пожал плечами Олег,— и платно на вас чудесное, и ноговицы носишь ты не наши,— и он ткнул пальцем с блеснувшим перстнем в аккуратно выглаженные брюки Игоря.

— Ноговицы как ноговицы,— пробормотал Игорь, краснея.

ВОЛХВ ФАРЛАФ

В эту минуту резная дверь вновь неслышно открылась, и в Большую палату вошёл старец в длинном, до самых каблуков, тёмном платно. На его руках переливчато зазвенели золотые браслеты. В левой руке старец держал бубен.

— Зачем ты пришёл, волхв Фарлаф?— неожиданно пошевелился у кресла и сердито спросил сероглазый мальчик. — Кто звал тебя?

---

[1] Племена, населявшие древнюю Русь.

Старец с достоинством проговорил сипловатым однотонным голосом:

— Ты опять, княжич, злые слова речешь главному волхву Великого Новгорода!

— Не я злой, а ты злой, волхв Фарлаф! Великий Новгород знает сие и потому боится тебя, аки дурного пса!

Князь Олег остановил мальчика повелительным движением руки:

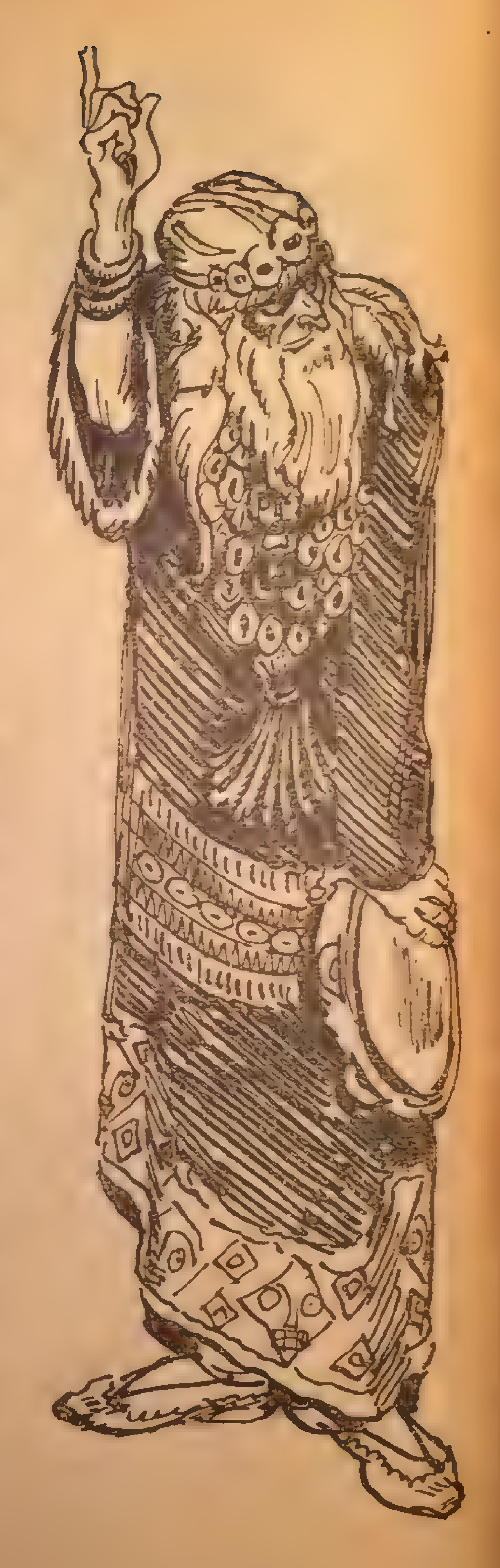
— Не молви такого, племянник!

В голосе мальчика вдруг зазвучали слёзы:

— Ах, дядя! Кабы не он, не легла бы моя мама в могилу! Разве не ты, дядя, выписал ей лекарей заморских, когда заболела она студеницей[1]? Разве не поклялись лекари вылечить её? А волхв Фарлаф повелел перебить лекарей! А сам-то лечить не смог! Осрама на его голову! Не слуга он Перуна, а головник[2]!

Игорь и Таня видели, как старый волхв дёргался от гневных слов мальчика. Его бесцветные, водянистые глаза в зарослях седых волос совсем побелели от ярости. Однако он сдержал себя и сказал спокойно:

— Твою маму, княжич, призвали боги на Перуновы луга...

---

[1] Болезнь.

[2] Преступник, убийца.

— Лжа! — воскликнул княжич. — Ты один виновен, что её обрядили покойницей и положили в корсту[1]!

— Слушай, племянник! — строго проговорил Олег. — Твой отец и мой учитель был храбрым воином и много лет княжил в Великом Новгороде. Почитали его новгородцы за ум и отвагу на рати. Был он исконным русичем, верно соблюдал законы и обычаи наши... Хазарская стрела оборвала его жизнь... Умирая на моих руках, просил он, чтобы я воспитал тебя славным русичем...

— Я русич! — горячо прошептал мальчик.

— О том же просила меня перед кончиной своей твоя мать, моя ненаглядная сестра.

---

[1] Гроб.

— Я готов за Русь положить живот свой, дядя! — продолжал шептать мальчик.— Я русич!

— Знаю,— сказал Олег,— а потому и прошу тебя не ссориться с волхвами, коих почитают все русичи и в полуденной стороне, и в полуночной.

— Но мама! — вырвалось у мальчика.

Олег сурово взглянул на волхва.

— Сердцем я и сам не могу простить Фарлафу её смерти, но перед народом волхвы и князья должны быть едины...— Он помедлил и вздохнул: — Зачем ты пришёл в Большую палату, Фарлаф?

— Я за дверью слышал, княже, о чём говорил тебе сей отрок в чудесных ноговицах...

— Ну?

— И понял, что надо их обоих допросить с испытом! — злобно сказал волхв, сверля глазами Игоря и Таню.

— Да ведь они дети! — воскликнул Олег.— Вельми ты кровожаден, Фарлаф! Они против тебя, что воробей против коршуна!

— Княже! — волхв предостерегающе поднял палец, звеня золотыми браслетами.— А если они духи Чернобога? Нет бога злее Чернобога! Тогда сиих отроков вязать надо и во славу Перуна рубить им головы на Перуновой горе! Отдай мне отроков, княже!

— Нет! — сорвался с места маленький князь.— Я имею к ним приязнь! Отдай мне их, дядя!

Олег испытующе посмотрел на побелевших пленников, и ласковая улыбка тронула его губы.

— А как твоё прозвище, отрок? — спросил он вдруг.

— Игорь...

— Как?

— Игорь,— с трудом ворочая языком от страха, повторил пленник.

Олег, маленький князь и волхв на минуту онемели. Наконец Олег с усмешкой взглянул на племянника:

— Имя — наше, русское... Твой тёзка, юный княже!

— Лжа! — пробормотал волхв.

— Сам ты лжа! — вырвалось у маленького князя.— Как сие лепо[1]: он Игорь, и я Игорь! Отдай же мне их, дядя!

— Пусть по-твоему будет, князь Игорь,— сказал Олег,— бери их. А паче случится что, сии отроки, Фарлаф, от тебя не уйдут: ворота в детинце крепкие и стража надёжная! Слушай, стражник,— внезапно повысил он голос,— вели глашатаям собрать на княжеский совет воевод, бояр да купцов именитых!

Стражник, который безучастно слушал весь разговор и, по-видимому, ничего не понял, захлопнул глуповато отвисшую челюсть и, нахлобучив шапку, исчез за входной дверью.

Олег повернул лицо к навострившему слух волхву:

— Прибыли ко мне гонцы с грамотой из града Искоростеня, из земли древлянской. Будем совет держать о вельми[2] важном деле, Фарлаф. Нужна мне поддержка Перуна.— Он помедлил и прибавил:—А коль не будет поддержки — пеняй на себя: найдётся другой главный волхв на земле новгородской!

А юный князь Игорь меж тем подошёл к пленникам и улыбнулся:

— Пошли в трапезную! Накормлю я вас... Небось голодны?

---

[1] Хорошо.
[2] Очень.

ТРАПЕЗА

В трапезной, такой же сумеречной и почти такой же длинной и широкой, как Большая палата, стоял огромный стол. В Перунов день, а также по всяким другим праздникам много именитых мужей новгородских пировало за этим столом.

Три раза похлопал ладонями юный князь Игорь, и пустая трапезная сразу наполнилась движением: то княжеские подавальщики в белых платно начали уставлять край стола яствами. На одном блюде аппетитно дымились куски жареной телятины, на другом — тетёрка с поджаристой корочкой на вертеле, на третьем — сом, запечённый в тесте с гречневой кашей. Далее шли пироги с грибами, с ягодами. А между блюдами зелень, сочиво[1] в брусничном соку, орехи лущёные, морошка с мёдом и жбан сыта — медовый напиток, который и пить приятно, и пьян не будешь (подавать юному князю крепкие напитки Олег запретил строго-настрого).

Перед столом, на возвышении, жертвенник — каменное блюдо с раскалёнными углями. Перед тем как сесть за стол, князь Игорь от каждого кушанья взял щепотью по кусочку и положил на угли. Жертвенник задымился, наполняя воздух смрадом. Князь Игорь поднял руки ладонями вперёд и сказал скороговоркой:

— Возьми нашу пищу, Перун, и дай нам пищу ныне, завтра и всегда...

Два холопа поднесли миску с водой и полотенце. Князь Игорь окунул пальцы в воду, вытер их насухо и предложил гостям проделать то же самое. Затем они сели за стол, и слуги немедленно повязали их чистыми полотенцами, чтобы не закапать платно жиром.

Князь Игорь сказал гостеприимно:

— Берите, братие, по куску мяса,— и сунул руку в блюдо с телятиной.

— А где же вилки? — шепнула брату Таня.

---

[1] Бобы.

— Чудачка! — так же шёпотом ответил ей брат.— До вилок люди ещё не додумались, ешь всё руками...

Они взяли по куску горячего мяса.

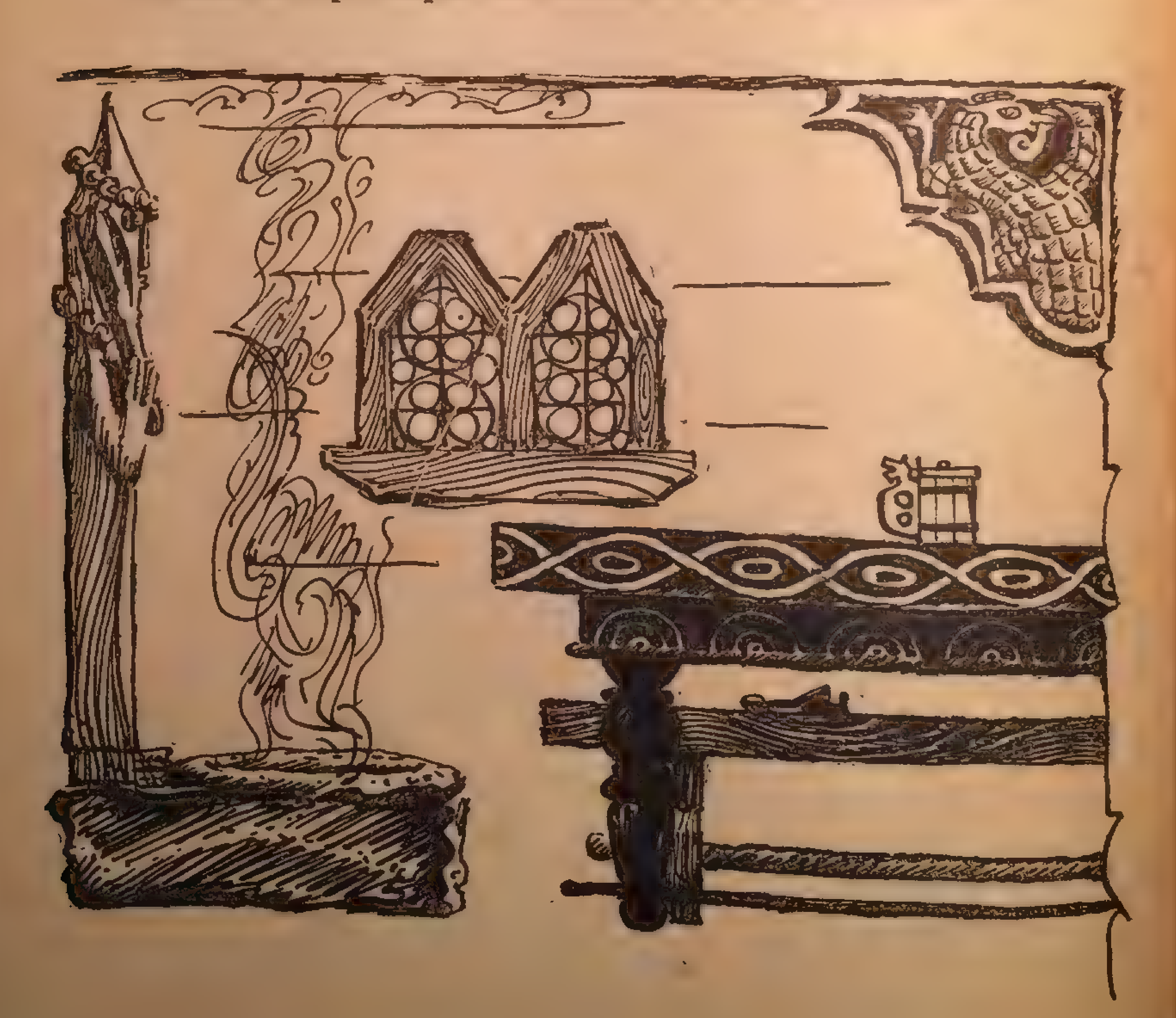
— Смачно,— сказал князь, вгрызаясь в телятину.

Жир стекал по его подбородку и капал на полотенце. А чашники уже налили им по кружке прохладного кисло-сладкого сыта.

— Пейте, братие,— улыбнулся князь, поднимая кружку,— смывайте жир с кишок, мясо в брюхе урчать не станет.

— Здесь так всего много,— заговорила Таня, нерешительно взглянув на гостеприимного хозяина,— но у меня кусок застревает в горле, когда я думаю об одном голодном человеке.

Князь Игорь перестал жевать и поставил кружку.

— Кто такой еси?

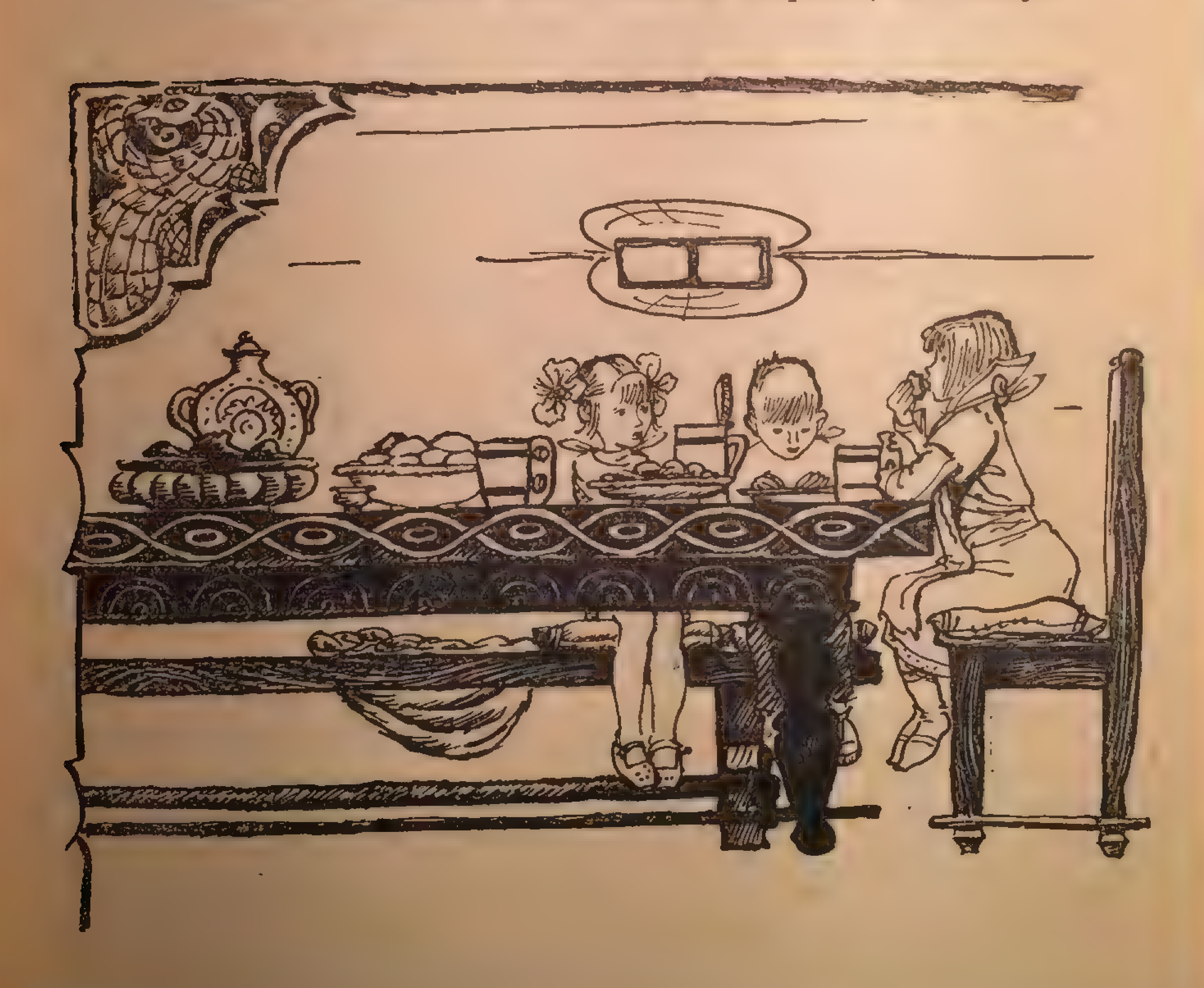
Она сбивчиво рассказала ему о Гордее. Юный князь терпеливо выслушал её, усмехнулся и пожал плечами.

— Таких смердов вельми много на земле Великого Новгорода, и на земле киевской, и на земле полоцкой... Есть они и у варягов, и у франков, и в Германии, и в Болгарии, и в землях греков... Так Перун жизнь устроил...— Он говорил медленно, с немальчишеским достоинством, чтобы поняли гости, как образован их хозяин.— Князь землёй правит, бояре ему советники, воеводы войска водят, купцы торговлю ведут в землях дальних и близких, а у смердов одна забота — рало.

— Рало? — не поняла она.

— Соха,— подсказал ей брат.

— Значит, смерды всех хлебом кормят, а живут

хуже всех! — совсем осмелев, сказала Таня.—Несправедливо это, княже!

Князь покачал головой.

— В Великом Новгороде каждый волен жить по своему разуму и умению. Не по душе рало — будь кузнецом,кожемякой, скудельником [1]... Таких ремесленников в Великом Новгороде множество. Живи во славу Перуна да плати только подати в скарбницу [2],— говорил он, очевидно, повторяя слова своих учителей.

— А если нечем платить?

Он снова пожал плечами.

— Не по душе быть ремесленником — иди в услужение к боярину или к купцу именитому. Всегда сыт будешь! А коли ты лучший муж — поступай в княжескую дружину, добывай на рати победу Великому Новгороду, а князю славу! Наживёшь богатство — можешь купцом стать, паче ты не обельный холоп [3]!..

— Но у Гордея жизнь, как у раба! — воскликнула Таня.— Неужели тебе не жаль Гордея, княжич?

— Но ведь ты сказал, что он не выплатил купу...

— Да, но купу-то брал у князя Путяты не он, а его покойные родители!

— Всё едино, такой закон!

— Танька,— шепнул в её ухо брат,— чего ты разбушевалась? Ты же знаешь, что все смерды станут потом рабами — крепостными крестьянами!

— Отстань! — оттолкнула она брата и громко сказала: — Княжич, помоги Гордею! Позови его за этот стол, пусть он хоть раз поест как следует!

— За сей стол? Да ведь он рядович, простолюдин! — изумился князь, но, подумав, крикнул: — Эй, позвать ко мне ябедника!

Через минуту явился задыхающийся рыжебородый ябедник — княжеский чиновник.

---

[1] Гончар.
[2] Казна.
[3] Раб.

— Бью челом, княжич!

— Ступай к боярину Путяте,— приказал князь,— заплати выкуп за обельного холопа Гордея, сына Микулы, одно гривно. Помыть его, одеть и накормить на княжеском дворище. А коли пожелает, пусть остаётся в услужении двоя́нином [1].

Ябедник исчез так же быстро, как и появился.

— Пересидели мы за трапезой,— вдруг сказал князь, поднимаясь из-за стола,— небось в Большой палате уже совет идёт. Пошли в Большую палату!

ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Едва два Игоря и Таня переступили порог Большой палаты, как были оглушены чьими-то воплями и непонятным треском. Прежде всего они увидели десятки потных бородатых лиц. Бояре, воеводы, купцы — старые и молодые, худые и толстые, высокие и низкие, щуплые и широкоплечие — в разноцветных кафтанах и разноцветных сафьяновых сапогах сидели на лавках и прямо на полу, на корточках. Многие опирались на посохи с серебряными набалдашниками. Почти у всех на груди сверкали золотые обручи и цепи — знаки высокого отличия и богатства.

Душно и жарко в Большой палате. Входная дверь и узкие окна открыты настежь, но это не помогало. От духоты кружились головы.

Бревенчатые стены стали влажными от людских испарений.

Князь Олег сидел в кресле, бледный и усталый, расстегнув ворот своего платно. Два мечника неподвижно стояли по бокам. А перед креслом, дико завывая, дробно ударяя кулаком в бубен, бесновался главный волхв Фарлаф. Время от времени он бросался по узкому людскому проходу к деревянному изваянию Перуна, сипло

---

[1] Дворовый слуга.

бормоча какие-то слова. Затем он опять возвращался к креслу князя, вскинув руки, беспрестанно подпрыгивая и сотрясая пол коваными сапогами. Его бормотание переходило в пронзительный, одуряющий вопль, от которого по спине бежали мурашки. Что кричал волхв, Игорь и Таня не могли понять. Впрочем, этого, может быть, никто не понимал, даже сам волхв.

Наконец Фарлаф замолчал и сел на пол перед Олегом.

Сразу наступила тишина, в которой слышалось лишь дыхание десятков людей.

— Что сказал тебе Перун, волхв? — спросил Олег, словно приходя в себя.

Фарлаф не торопился отвечать. Он сидел на полу, скрестив ноги, и тяжко дышал. Его седые волосы спутались и были мокрыми от пота. Казалось, он ничего не видит и не слышит, но Таня уловила его злобный взгляд,

который он метнул на неё из-под нависших на глаза мохнатых бровей. Девочка невольно сжалась под его взглядом. Князь Игорь заметил это, что-то сердито прошептал и загородил Таню своими плечами от глаз Фарлафа.

— Что же сказал тебе Перун? — нетерпеливо повторил Олег.

Все в палате вытянули головы, чтобы лучше услышать волхва. Но он вдруг закашлял и потыкал пальцем в горло, давая понять, что ему трудно говорить. Продолжая кашлять, Фарлаф поднялся, подошёл к Олегу и склонился к самому его уху. Два Игоря и Таня, стоящие у княжеского кресла, слышали, как волхв прошептал:

— Не ходи на Киев, княже...

Олег даже не пошевелился, так он умел владеть своими чувствами. Только губы его едва заметно шевельнулись:

— Лжа!

В палате было тихо. Все ждали княжеского слова, но Олег медлил. И тогда на помощь ему нежданно пришёл низенький толстенький боярин, тот, который сидел на лавке ближе всех к Олегу. Может быть, боярин слышал, а может быть, и не слышал того, что шепнул волхв, но он вскочил с места и, размахивая маленькой полной ручкой, закричал, выкатывая глаза:

— Перун поразит громом и молнией врагов твоих, княже! Поступай, как решил совет: иди на Киев! Собирай вече и скажи народу новгородскому своё злато слово!

Олег бросил на толстенького боярина благодарный взгляд. Он облегчённо вздохнул и поднялся, отстранив рукой растерявшегося Фарлафа.

— Лепо молвил боярин Путята! — сказал он.— Слава великому Перуну — богу богов!

— Слава! — хором повторили воеводы, бояре и купцы. Они зашевелились и тоже начали подниматься со своих мест. Повсюду затренькали золотые обручи и цепи, застучали о пол посохи.

— Пусть звенит вечевой колокол! — снова заговорил князь Олег.— А вы, братие, идите к людям, научите их, о чём кричать на вече... А паче найдётся головник такой, что станет кричать насупротив княжеского слова, пусть челядь ваша заткнёт ему поганую глотку! Велите выкатить из погребов бочки с мёдом и олом[1], чтобы все люди: и мужи именитые и рядовичи — пировали во славу Перуна и князя новгородского!

Гулко стучали о пол Большой палаты кованые сапоги. Толпились у входной двери воеводы, бояре и купцы именитые, натруженно скрипели за дверью ступени лестницы: все торопились выйти поскорей из терема, чтобы выполнить волю князя.

А за княжеским теремом запел-загремел вечевой колокол. Летели, будто ласточки, медные удары над Великим Новгородом. Летели один за другим тревожные мелодичные звуки и, не успев расправить крылья, угасали в воздухе. Но их догоняли новые и новые удары и, прежде чем смолкнуть, вонзались в сердце каждому жителю земли новгородской. Летел звон вечевого колокола над градом и предградьем, над лесами и полями, над серыми волнами Волхова, над туманным заречьем.

---

[1] Пиво.

И, услышав этот сладкий, терзающий душу звон, отрывались от работы и со страхом прислушивались ремесленники на всех концах града, и смерды в селениях, и охотники на ловах, и рыболовы на малых и больших речках и озёрцах.

Выходили из хижин помрачневшие мужи, а бледные жёны прижимали к сердцу детей и шептали:

— Беда, беда!.. О, Перун, спаси нас!

Красиво звенит вечевой колокол. Ещё десять лет назад много кун заплатил за него князь Олег римскому папе. Везли этот колокол вокруг Европы на лойве варяжские викинги, а потом в Свионии[1] перегрузили его на русскую лодию и по Варяжскому морю, через озеро Нево, доставили по реке Волхов в Великий Новгород. Очень красиво звенит колокол...

— Беда, беда! Спаси нас, Перун!

ЗОЛОТОЕ СЛОВО КНЯЗЯ ОЛЕГА

Полным-полно народа на княжеском дворище. От сотен голосов стоит в кремле невнятный гул — будто море шумит. Куда ни глянь, сомкнулись плечи, а над плечами шевелятся седые и русые, рыжие и чёрные бороды. Собрались на вече старые и молодые мужи Великого Новгорода, с нетерпением ждут, что скажет им князь Олег.

У высокого княжеского крыльца отдельной группой горделиво стоят, опираясь на серебряные посохи, воеводы и бояре в праздничных платно. Это ишханы — знать новгородская, далее купцы толпятся в разноцветном кафтанье, с завистью поглядывают на важно надутых воевод и бояр. А ещё далее — простой люд: здатели[2], кузнецы, кожемяки, скудельники, умельцы всякие со всех концов улиц. Это они, их отцы и деды строили

[1] Греция.
[2] Строители.

Великий Новгород, и всё, что есть в Новгороде, сделано их руками, да почему-то несладко живётся умельцам русским. И про них и про смердов, кои серым потоком залили дворище до самой крепостной стены, не больно печётся Перун. Должно быть, князья, воеводы да бояре с купцами больше нравятся богу богов.

А у ворот кремля и на его крепостной стене устроилась голытьба в рубищах: всякие пришлые убогие люди, рабочичи, холопы. Грязные, немытые — смрадом разит от них.

В толпе там и тут рыскали видоки — шпионы-свидетели, прислушивались, о чём люди глаголят, не ведёт ли

кто крамольных речей. Держи лучше язык за зубами, не то возьмут тебя в плети!

Следом за Олегом на высокое крыльцо вывел юный князь своих гостей — Таню и Игоря. Они видели, с каким удивлением уставились на них сотни глаз, а сотни ртов зашептали: «Гляди-ко! Во диво!»

Глашатаи зычно закричали, прикладывая к губам ладони коробочкой:

— Ти-их-о! Замри! Слушай, народ новгородский, злато слово князя Олега!

И сразу такая тишина наступила, что стало ясно слышно, как далеко в заречье каркал ворон. Вот уж.

окаянный, не ко времени закаркал, словно беду накликает!

Олег, высокий, статный, в платно небесного цвета, расшитом бурмицким[1] жемчугом, стоял на виду у всего веча. Ветер шевелил его волнистые русые волосы. Он провёл рукой по волосам, потрогал пальцами бородку. Спокоен был князь Олег, лишь на белом лице, под левым глазом, предательски дрожала голубая жилка.

Позади князя стал вечник с тонкими железцами и берестяными свитками в руках. Искусно и быстро нацарапает вечник на бересте своими железцами всё, что скажет князь народу, а потом запечатает в особый ларь.

Низко-низко поклонился Олег собравшимся.

— Братие! Вы, вольный народ новгородский, призвали меня княжить на сей стол,— громко и отчётливо заговорил Олег.— Вы поручили заботам моим сироту —

---

[1] Персидский.

младого князя Игоря. Вырастил я младого князя на виду у вас в нашей вере, в законах и обычаях наших добрым русичем. Однако княжил я, помышляя не токмо о благе Игоря, но о вашем благе, о благе народа новгородского, народа русского.

— Так еси! — хором сказали бояре.

— Так еси,— одним могучим вздохом, словно эхо, повторило всё вече.

— От глада мрём! — вдруг кто-то крикнул из задних рядов, но крикуна тут же подмяли, и он умолк.

Олег кашлянул и продолжал:

— Не раз водил я вас на рать супротив врагов новгородских и бился с ними, как простой воин, плечо к плечу с вами. Из моих и ваших ран, братие, лилась и смешивалась кровь, и стали мы одной крови, как родные!

— Так еси,— прошелестело вече, захваченное красноречием князя.

— Одной мы крови,— повторил он,— и я,

ваш князь, спрашиваю вас: верите ли вы мне, братие?

— Верим! — выдохнуло вече.

— Велика земля новгородская, но ещё больше все земли русские! И земля ростовская, и рязанская, и смоленская, и полоцкая, и киевская — суть земли русские! От самого Русского моря до моря Варяжского и далее до Ледового окияна, где живут малые народы Чудь, Мери и Веси, кои бились плечо к плечу с нами супротив варягов, называется земля одним святым словом — Русь!

— Рру-усь! — ликующе пророкотало вече.

— Вельми обильна земля русская, братие! И жито родит, и гречиху, и леса наши полны дичью, и реки рыбой. За три моря ходят на своих лодиях купцы наши с товарами русскими на зависть и варягам, и германцам, и франкам, и грекам! И возвращаются на Русь с товарами иноземными!

— Так еси! — рявкнули довольные похвалой купцы.

— Но скорбно мне, братие, что порядка ещё мало на Руси! — понизил голос Олег.— Ныне кто-то из вас крикнул: «От глада мрём»... Бывает и так, и потому больно сердцу моему! Бывает так, что не гречихой засевают русичи поле, а белыми костями; не водой поливают землю, а кровью своей! Сходятся на рати русич с русичем, племя с племенем, а оттого слабеет Русь на радость врагам иноземным. Не едины мы, братие, а врагам легче одолеть каждое племя порознь.

Вече молчало, словно завороженное словами князя.

— И особо скорбно мне,— с горечью продолжал Олег,— что наименьше всего порядка на полуденной украине[1] Руси, на земле киевской, коей правят князья, два брата Аскольд и Дир!

— Осрама! — тонким голоском крикнул маленький боярин Путята, потрясая серебряным посохом.

— Осрама! — разноголосо закричало, зашумело, задвигалось вече.

---

[1] Окраина.

Олег поднял руку, успокаивая людское море.

— Ныне прибыли ко мне гонцы из земли древлянской, из града Искоростеня. Замучили князья Аскольд и Дир войнами соседей своих — древлян. Но того мало: разоряют грады и веси древлянские хазары окаянные! А князья Аскольд и Дир не токмо не защищают братьев наших русичей — древлян, а более того — завели дружбу с иноверцами дикими, с хазарами окаянными. Просят древляне с поклоном защиты у Великого Новгорода!

И снова зашумело, задвигалось, заплескалось взволнованными голосами людское море:

— Поможем братьям русичам!

— Веди нас, княже, на Киев!

— Осрама Аскольду и Диру!

— А они-то небось и не русичи совсем!

— Нет у русичей такого имени-прозвища — Аскольд!

— Аскольд и Дир — варяги!

— Изгнать их с земли русской!

— Смерть Аскольду и Диру, псам варяжским!

От толпы купцов отделился рослый молодец в голубом кафтане.

— Игорь,— сказала брату Таня,— смотри, ведь это тот самый купец, которого мы сегодня утром видели на пристани. Помнишь, на грузчиков покрикивал?

Рослый молодец снял шапку и поклонился Олегу, опуская до земли правую руку.

— Дозволь, княже, слово вымолвить,— бойко крикнул он.

— Говори, купец,— улыбнулся Олег. Он был доволен, так как понимал, что первое сражение за Киев выиграно сейчас благодаря его ораторскому искусству.

В глубине души Олег побаивался веча, как побаивались его все новгородские князья. Попробуй возмутить неосторожным словом эту голытьбу, и рухнет она тебе на голову, как обвал каменный! И Перун не поможет — костей не соберёшь!

Глаза Олега, такие же большие и серые, как у племянника Игоря, вдохновенно поблёскивали. Мыслями

своими тридцатилетний князь уже был далеко на полуденной украине Руси.

— Говори, говори же, купец!

— Братие! — крикнул купец, оборачиваясь лицом к вечу и вновь кланяясь.— Мы, купеческое племя, верой и правдой служим Великому Новгороду. Ныне собрал я караван лодий с товарами новгородскими. А плыть нам далече, до самых греков. Как подумаю, что придётся плыть нам мимо славного русского града Киева, сердце сжимается. Стоит славный русский град Киев на горе, над самым Днепром славутичем. А засели на той горе не русские князья, а злыдни, змеи подколодные! Туда плывёшь — плати куны, обратно плывёшь — опять плати! А то и вовсе отымут товары дружинники Аскольда и Дира, а людей наших перебьют! Хуже хазар, кои тоже с нас выкуп берут, когда мы лодии наши через пороги днепровские перетаскиваем в степях полуденных! До коле же будет такое, братие? Иди, княже, на Киев, перебей змей подколодных! Освободи землю нашу от хазаринов!

— На Киев! — загремело вече.

— Смерть татям[1]!

Олег поднял руку:

— Спасибо, братие, за доверие. Повелел мне Перун идти на Киев, объединить полуночные и полуденные украины воедино! Построим мы на границах наших города и острожки, и не будет нам страшен никакой враг! Будет у нас одна великая Русь от Русского моря до Ледовитого окияна!

— Слава князю русскому Олегу! — закричал восторженно боярин Путята, наливаясь краской и закатывая глаза.— Слава Руси Великой!

— Сла-ава-а!..— дружно откликнулось вече.

Сотни шапок полетели в воздух.

Вечник торопливо черкал железцем по берестяному свитку.

---

[1] Воры.

ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ

Наконец-то Игорь и Таня остались одни! В отведённой для них светёлке стояли две лавки с перинами, от которых исходил пряный запах мяты. С бревенчатого потолка на пуховые перины спускались лёгкие пологи из розового заморского шёлка. Отбрось полог, ляг на такую постель и небось утонешь в ласкающей тело мягкой неге.

Стемнело. На потолке дрожали красноватые отблески — то в граде и предградье жгли новгородцы боевые костры, пили мёд и ол во славу Олега, за его победы в полуденной Руси. Сквозь открытые окна доносились неясные крики и пьяные песни.

Неслышно в комнату скользнула старая холопка со свечой в руке, зажгла светильник на круглом столе, шепнула у порога:

— Да не потревожат чуры ваш сон! — и так же неслышно исчезла.

— Как я устала! — сказала Таня, садясь на лавку у окна.

Игорь не ответил. Приподняв полог, он разглядывал пуховую постель, ткнул в перину пальцем и недовольно поморщился.

— Как странно,— вдруг сказал он,— мы с тобой знаем, что ждёт впереди и князя Олега, и князя Игоря...

— Удивительно, что и я именно об этом сейчас подумала,— оживилась она,— мы могли бы предсказать им судьбу! Олег станет киевским князем, будет мно-

го воевать с врагами Руси и побеждать, а умрёт оттого, что его ужалит змея... Помнишь?

«...Так вот, где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как чёрная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

— А помнишь, какая смерть ждёт моего тёзку?

— Князя Игоря? Кажется, после Олега он тоже станет киевским князем...

— И с ним расправятся те самые древляне, которые прислали сейчас в Новгород гонцов просить защиты от Аскольда и Дира. Но Игорь забудет об этих гонцах. Ты помнишь, что с ним случится?

— Да, да, Игорь придёт со своей дружиной в древлянскую землю собирать дань. А когда уйдёт, ему покажется, что собрал мало, и вернётся к древлянам за новой данью...

— И тогда древляне перебьют дружину Игоря, а его самого привяжут к двум согнутым деревьям. Потом отпустят согнутые стволы, и они разорвут князя Игоря на части!

— Бррр! — вырвалось у Тани.— Ужасно!

Игорь хотел что-то сказать, но вдруг застыл с открытым ртом, потому что они оба отчётливо услышали за дверью какое-то движение.

— Танька,— шепнул он,— нас подслушивают!

Прежде чем она успела ответить, Игорь скакнул к порогу и распахнул дверь. В тёмном проходе, как тень, метнулось тёмное платно волхва Фарлафа и скрылось за поворотом.

— Так я и думал,— закрывая дверь, сказал Игорь,— этот противный волхв не хочет оставить нас в покое! Мне ещё днём показалось, что он нас выслеживает... Давай-ка поставим к двери этот стол... на всякий случай...

Они забаррикадировали дверь, но лечь так и не решились.

Светильник слабо потрескивал на столе. Вокруг бледного огонька роем вились мотыльки и мошки и падали с опалёнными крыльями на драгоценную скатерть, вытканную золотыми нитями. Огонёк колыхался, и поэтому в углах комнаты, за прозрачными пологами постелей, словно живые, двигались косые тени.

— Я хочу домой! — жалобно прошептала Таня.

— А как это сделать? — пожал он плечами.

— Я не знаю...

— Я тоже не знаю.

— Давай позовём фею Мечту...

— Тсс! — приложил он палец к губам.— Я опять слышу шаги!

Шаги на этот раз были отчётливыми и громкими. Возле двери шаги смолкли, и они услышали бодрый голос юного князя:

— Вы спите, братие?

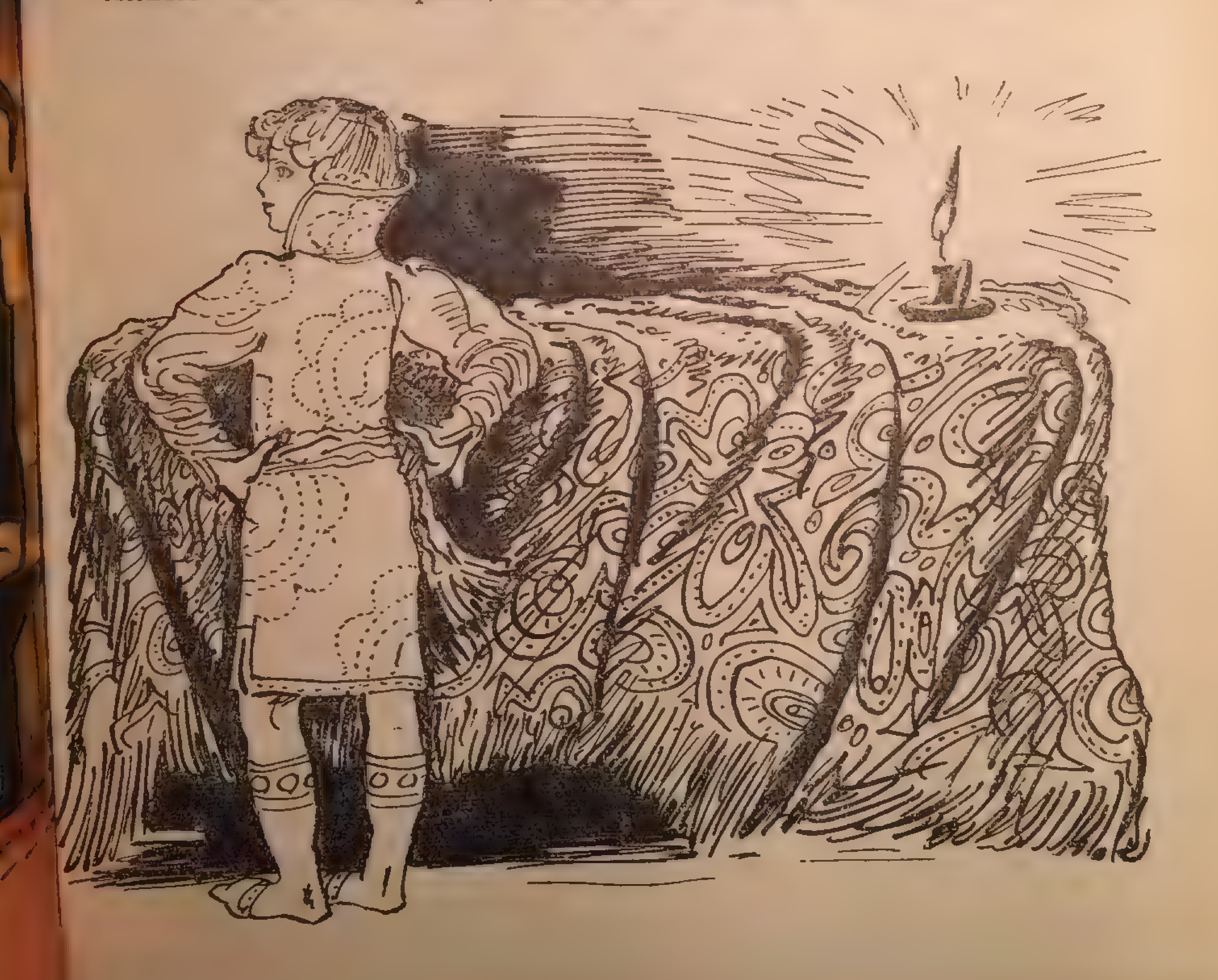
— Нет, не спим! — обрадовалась Таня, отодвигая стол.— Заходи, княже!

Он переступил порог и, взглянув на перины, с усмешкой сказал Игорю:

— Не ведомо мне было, тёзка, что тебя почивать устроили на женском ложе!

— Я и сам не люблю таких постелей,— покраснел Игорь.

— Князь Олег учит спать меня, как воина: на голой лавке или на траве, подложив руку под голову,—

продолжал князь.— А то ещё учит на коне спать, в седле, как спят воины в походе.

— В седле он спать не пробовал, княже, а дома спит на твёрдом матраце,— вступилась за брата Таня.

— Вельми хороший вечер ныне,— сказал князь Игорь.— Пошли гулять, братие! Поглядим, как пируют воины.

— Пошли! — быстро согласилась Таня. Ей так не хотелось оставаться в светёлке, что она сразу позабыла о своей усталости.

Князь Игорь внимательно посмотрел на тёзку и вдруг рассмеялся:

— Друже, мы с тобой равного росту... Давай для потехи наши платно поменяем!

— Как? — не понял гость.

— Я твои ноговицы надену... А ты моё княжеское платно на свои череса наденешь!

Они быстро переоделись, и Таня всплеснула руками.

— Слушай, Игорь,— сказала она брату,— князь как две капли воды стал похож на Петьку Воробьёва!

Её брат оглядел себя. Он был доволен княжеским нарядом, особенно ему нравились мягкие, чуть поскрипывающие сапоги из красного сафьяна.

И в эту минуту все трое услышали за дверью чьи-то тихие, крадущиеся шаги.

НОВГОРОДСКАЯ НОЧЬ

— Чуры! — дрожащими губами прошептал князь.— Спаси мя, Перун!

— Нет, это не чуры, княже,— сказал Игорь и рванул дверь. И так же, как в прошлый раз, в темноту терема скользнула тень волхва.

— Кто там еси? — передохнув, спросил сжавшийся у двери князь.

— Фарлаф,— чуть усмехнувшись, ответила Таня, которую начал забавлять испуг князя.

— Быть того не может,— озабоченно покачал он головой.— Главный волхв в сей вечер должен просить победу на Перуновой горе для войска новгородского.

— Но мы его ясно видели княже!

— Быть того не может,— упрямо твердил он,— то чур пришёл в образе Фарлафа!

Увидев улыбки на лицах гостей, князь, по-видимому, застыдился своей трусости, выпрямился, выпятил грудь.

— Вельми большого вреда чуры не делают, ибо они суть духи домашнего очага,— уже спокойно пояснил он и прибавил, виновато улыбаясь: — Да ведь всё едино — духи! Холод чреса и сердце пробирает!

— А ведь никаких духов нет на свете, княже,— сказала Таня.

— Не молви такого! — вскрикнул князь.— Язык отсохнет!

— Выдумки всё это, княже!

— Танька! — сердито буркнул по-княжески одетый брат.— Неужели ты не понимаешь, что спорить бесполезно?! Не забывай, что сейчас девятый век!

Князь ничего не понял из сказанного тёзкой, да его это, должно быть, сейчас и не интересовало.

— Бери светильник,— сказал он Тане,— и ступай наперёд нас, благо ты чуров не боишься. Я за тобой ступать буду, а ты, друже, за мной,— обернулся князь к Игорю.— Так мы и выйдем на дворище...

С ранних лет он привык повелевать и даже сейчас говорил с гостями, едва ли не как со слугами.

Со стороны их шествие выглядело вельми комично. По тёмным переходам и скрипучим лестницам княжеского терема медленно, словно слепые, двигались трое. Впереди Таня вытягивала руку с дрожащим огоньком светильника. За ней, затаив дыхание и насторожённо прислушиваясь, ступал на цыпочках князь Игорь. Одной рукой он держался за Танин воротник, а другую руку отбросил назад, судорожно вцепившись в княжеское платно на чересах своего тёзки.

Как стон, скрипели старые ступени под их ногами, чёрными крыльями метались тени по бревенчатым стенам терема. Князь тихонько шептал:

— Не страшусь смерти на рати от вражеской стрелы и меча вражеского... Духов страшусь!

Его страх невольно передавался Тане и её брату. Но, разумеется, не духов боялись они. Чудились им в темноте другие осторожные шаги и чьё-то дыхание позади. И они не ошиблись: от перехода к переходу, с лестницы на лестницу неотступно следовал за ними невидимый во мраке старец со злыми глазами. Видно, что-то недоброе задумал главный волхв Великого Новгорода!

Шествие по ночному терему показалось троим отрокам бесконечно длинным, и все они облегчённо вздыхали, как только вышли на крыльцо.

Огляделись. Огни в тереме погашены, только одно окно светилось — в спальне князя Олега. Не спалось в эту ночь князю, ходил из угла в угол: обдумывал путь на Киев.

На княжеском дворище было прохладно и пустынно, пахло соснами и ёлками. Мигали звёзды в безоблачной вышине. Кривой, как сабля, месяц высунулся из-за зубцов крепостной стены кремля, будто из ножен. За стеной стучал колотушкой ночной сторож и покрикивал:

— Чу-ую!..

А где-то далече, должно быть, у какого-нибудь костра, где этой ночью новгородцы пили за победу мёд и ол, хор мужских голосов тянул однотонную песню:

Ох, вы гой еси, люди добрые,
Люди добрые, вои храбрые!
Трудный час пришёл нам детей забыть,
Во полях чужих свою кровь пролить...
Оставь рало, ратай, да мечом блистай!
Натяни свой лук и стрелу пускай!
А другая стрела уж в тебя летит,
Уж в тебя летит, твою грудь пронзит...

От простой, но щемящей сердце мелодии Тане стало грустно. Она взглянула на князя, но тот, освободившись от своих страхов, был уже весел. Он вытягивал шею, прислушиваясь к чему-то, и в его широко открытых глазах отражались два месяца.

— Чуете? — спросил он.

— Хорошо поют,— сказал Игорь,— только уж очень печально.

— Я не про то! — досадливо передёрнул плечами князь.— Чуете, кузнецы молотами стучат?

Брат и сестра прислушались: действительно, из разных концов Великого Новгорода доносились в кремль десятки звонких ударов по железу.

— Дядя наказал,— пояснил князь Игорь, улыбнувшись,— чтоб кузнецы днём и ночью новые доспехи, мечи да копья ковали! И чтоб старые правили, паче есть такие, что на прошлых ратях повреждены были! Каков звон? Душе радостно! Пошли, братие, по граду!

Размашистой походкой князь двинулся к запертым воротам кремля, но вдруг отлетел назад и упал навзничь.

— Холоп задушный! — яростно закричал он стражнику, вскакивая на ноги.— Как посмел ты князя толкать? Велю, поганый, плетьми запороть! — И он с силой ткнул стражника кулаком в лицо.

Таня вскрикнула, но брат зажал ей ладонью рот:

— Молчи, Танька, это же девятый век!..

— Прости, княже,— бормотал между тем испуганный стражник, вытирая рукавом кафтана брызнувшую

из носа кровь,— не признал тебя в сём дивном платно... А князь Олег повелел не впускать и не выпускать никого: вельми много ныне пьяных во граде...

В сумраке крепостной стены заливчато заржал оседланный жеребец. Несколько коней на привязи рванулись от него в сторону, толкаясь и гулко, на весь кремль, стуча копытами.

— Чьи сии кони? — спросил князь Игорь мирным тоном: возможно, ему уже было стыдно своей горячности.

— Волхвы приехали.

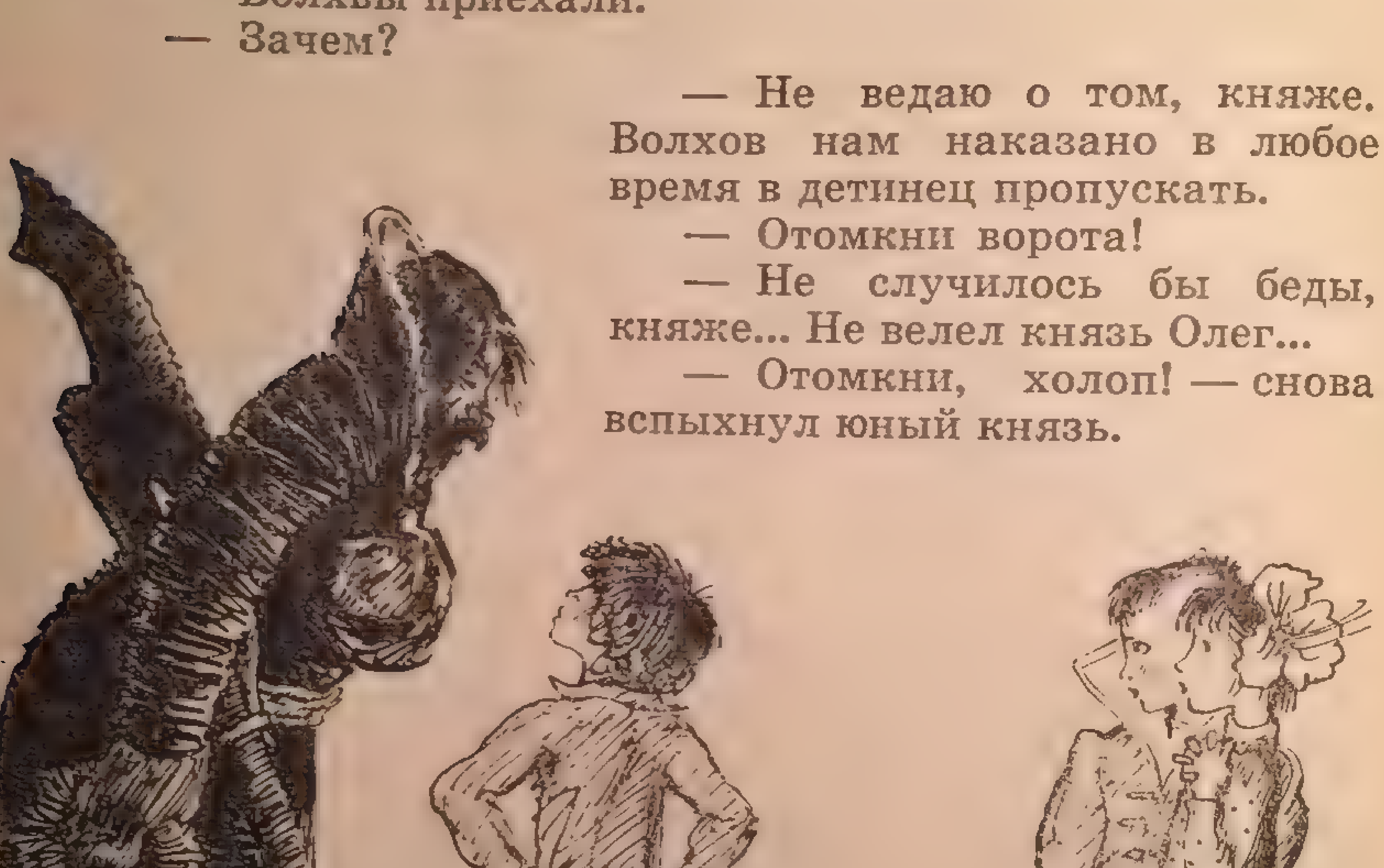
— Зачем?

— Не ведаю о том, княже. Волхов нам наказано в любое время в детинец пропускать.

— Отомкни ворота!

— Не случилось бы беды, княже... Не велел князь Олег...

— Отомкни, холоп! — снова вспыхнул юный князь.

Стражник загремел запором, и трое отроков вышли из кремля.

Здесь, за крепостной стеной, отчётливей стали слышны звонкие удары молотов: динь-дон, динь-дон... А город уже спал, смолкли песни. Лишь кое-где на улицах чуть поблёскивали догорающие костры. На траве там и тут похрапывали захмелевшие воины. За стеной низенькой хижины всхлипывал и глухо причитал страдальческий женский голос:

— Ох вы, детоньки мои милые, покинет вас родной батюшка... Ох, на смерть пойдёт ваш свет-батюшка...

Застучал на волховской пристани колотушкой ночной сторож:

— Чу-ую...

В конце города, словно перекликаясь, застучал другой сторож.

Шли отроки по тёмным улицам и чем дальше уходили от кремля, тем звончей летели в ночь удары кузнечных молотов: динь-дон, динь-дон... Ковал Великий Новгород победу над Аскольдом и Диром. Недаром светилось в тереме окно Олега...

Князь Игорь вдруг остановился прислушиваясь. Позади стучали копыта, всё ближе, ближе. Вот зафыркала невидимая лошадь.

— Кто бы это? — забеспокоился он.— Не ровен час, лихие люди, головники... Время позднее...

В темноте прорезались силуэты всадников.

— Волхвы,— облегчённо вздохнул князь и пожал плечами: — Не ведаю, зачем они по ночам ездят.

Всадники поравнялись с тремя отроками и неожиданно спешились:

— Хватайте их! — сипло крикнул кто-то. Прежде чем отроки опомнились, сильные руки скрутили Таню и князя Игоря, заткнули рты тряпками и подняли на крупы лошадей.

— Что вы делаете?! — отчаянно закричал Игорь.

Но всадники уже ускакали, топот копыт скоро затих в ночи.

По тёмной улице к кремлю стремглав бежал мальчик в княжеском платно. Задыхаясь, что было сил заколотил он кулаком в ворота:

— Откройте! Пустите меня к князю Олегу! Скорей, скорей, откройте!..

ПЕРУНОВА ГОРА

Таню и князя Игоря волхвы везли на своих борзых конях бесцеремонно и жестоко. Словно мешки с гречихой, свешивались связанные отроки с крупов лошадей.

От бешеной скачки и тряски, от режущей боли в стянутых ремнями суставах Таня то и дело теряла сознание. Её голова с распустившимися светлыми косичками

билась о волосатый бок лошади, но когда она приходила в себя, не чувствовала едкого запаха сбруи и конского пота. Было только мучительно больно; в горячей, затёкшей кровью голове мелькали синие огни, и она снова теряла сознание.

Потом Таня почувствовала, что её снимают с лошади и кладут на землю. Она открыла глаза и увидела над собой звёзды. Месяц давно скрылся за лесом, и снующие вокруг силуэты волхвов в длинных платно, похожих на поповские рясы, казались призраками. Она застонала, но звука своего голоса не услышала, потому что её рот был забит противным тряпичным кляпом. В горле пересохло, очень хотелось пить.

Таня повернула голову и увидела рядом неподвижного, связанного по рукам и ногам князя Игоря с таким же кляпом во рту.

«Они принимают князя за моего брата»,— мелькнула у неё мысль.

Запахло гарью: это один из волхвов разжигал костёр. Запрыгали по дровам язычки пламени, и в их слабом свете над костром вырисовывалась огромная, чудовищная фигура закопчённого дымом идола. Таня не поняла, из чего он был высечен — из камня или из дерева. Она запомнила только его пугающие золочёные глаза. Отблески огня отражались в них, мигали...

А по бокам бога богов стояли идолы поменьше — такие же нелепые и закопчённые. Но в отличие от Перуна их глаза не золотились, а серебрились.

Волхвы подняли Таню и князя Игоря на ноги.

Они стояли на вершине горы, с которой в сумраке весенней ночи внизу виднелись леса, задёрнутая туманом гладь озера,

серая река, вытекающая из озера, а вдали, на берегу реки, тёмные строения Великого Новгорода. «Это озеро Ильмень,— сообразила она,— а там Волхов вытекает из озера»...

Сколько раз Таня с братом и родителями бывали в этих местах по выходным дням!

Один из волхвов подошёл к идолу Перуна и взметнул к небу руки. Таня узнала Фарлафа. Князь Игорь рванулся, но волхвы удержали мальчика на месте.

— О, Перун! — рыдающим голосом заговорил Фарлаф.— Твои волхвы всегда возносили к тебе молитвы на Перуновой горе и приносили тебе жертвы, проливая их кровь на священный костёр. Так будет всегда!

Он потряс руками, продолжая рыдать:

— На нашу землю, о, Перун, пришли в образе отроков духи Чернобога. Ты послал меня услышать, о чём они говорят. Я стоял ныне за дверью их комнаты и слышал, как они колдовали. Они рекли смерть князю Олегу и князю Игорю. Они рекли так: князя Олега ужалит змея, а князя Игоря убьют древляне. И я спросил тебя, о, Перун, как поступить с отроками? И ты молвил: «Принеси, Фарлаф, их мне в жертву, пролей их поганую кровь на священный костёр, как проливал кровь жертвенных телят!»

Речь главного волхва стала бессвязной, он начал дёргаться и извиваться.

— О-гы-га-гу! — завопил безумный старец, брызжа слюной и корчась так, будто по его телу пропустили электрический ток. — О-гы-га-гу!..

Потом он закружился перед костром, и полы его платно развевались крыльями чёрной птицы. В руке главного волхва блеснул большой нож. В ту же секунду несколько других волхвов оглушительно забили в бубны.

«Этот сумасшедший старик сейчас зарежет нас!» — подумала Таня и почувствовала, как от её ног к голове медленно поднимается волна жгучего холода. Вот волна достигла колен, вот она уже сковала ледяными тисками грудь, шею... Она начала задыхаться.

«Бум-бум-бум-бум-бум-бум»,— гремели бубны.

Фарлаф, тяжело дыша, остановился перед идолом и поднял над головой нож. Красные отсветы костра задрожали на широком отточенном лезвии, казалось, что по ножу стекает кровь. Фарлаф медленно повернулся к пленникам и указал остриём ножа на князя Игоря. Два волхва подхватили мальчика под мышки и поволокли к костру.

МЕТЕОРИТЫ ПАДАЛИ ВО ВСЕ ВЕКА

Бубны разом умолкли. В тишине стало слышно хриплое дыхание Фарлафа.

Волхвы положили бессознательного мальчика на жертвенный камень лицом к звёздам. Один из них схватил в горсть волосы князя и заломил голову. Шея пленника открылась для ножа.

Главный волхв медленно, очень медленно опустился перед поверженным мальчиком на колени и так же медленно занёс над ним нож. В это мгновение одичалый, помутневший взгляд Фарлафа скользнул по бледному лицу князя. Нож задрожал в руке волхва, он отшатнулся и вскочил на ноги.

— Княже?! — забормотал он, но вдруг яростно зарычал.— Нет, ты не княже! Ты дух Чернобога! Ты принял облик князя Игоря, проклятый дух, чтобы отвести жертвенный нож от своей шеи!

«Это князь!» — хотела крикнуть Таня, позабыв о тряпке во рту. Она заворочала онемевшим языком и вдруг почувствовала, что кляп между её зубами ослабевает. Она сделала ещё одно движение языком, тряпка выскользнула изо рта и упала на землю.

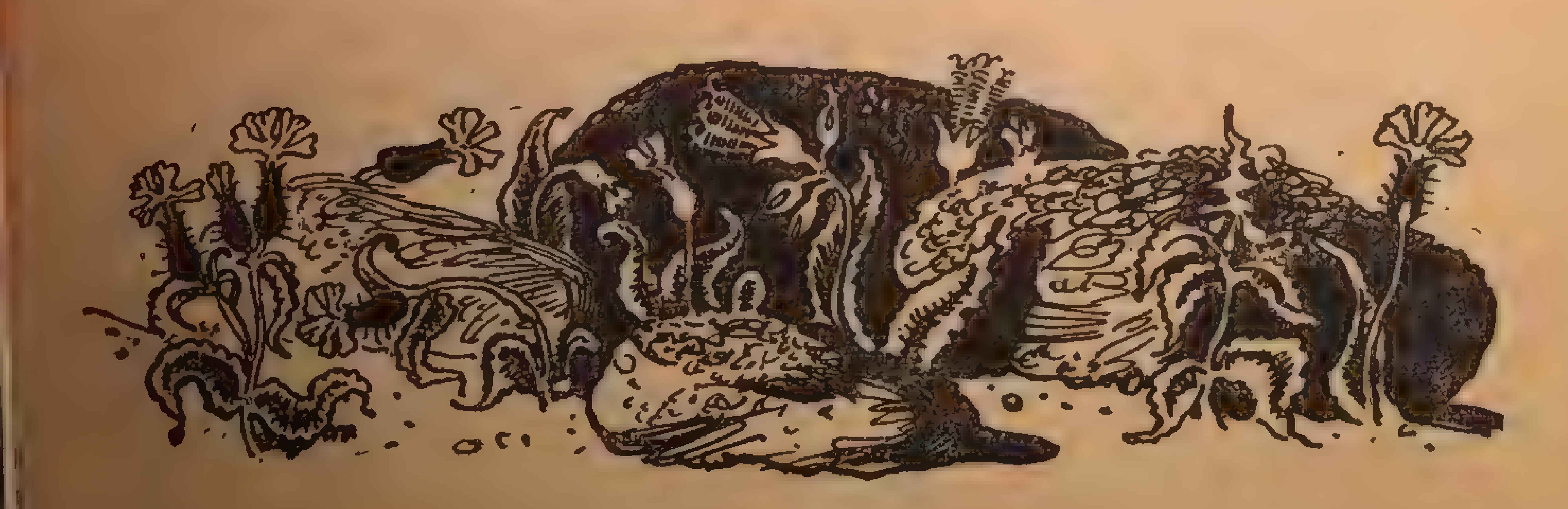
— Фарлаф!— срывающимся голосом вскрикнула Таня.— Не смейте прикасаться к князю Игорю!

Голос девочки был очень тихим и слабым, но главный волхв всё-таки услышал её.

— Ааа! — крикнул Фарлаф.— Тебе тако же помог Чернобог, отроковица из царства теней! Однако же я убью вас обоих, чтобы вы вернулись в своё царство!

«Да нет же, он не убьёт нас! — вдруг осенила девочку мысль.— Я знаю по истории, что князь Игорь умрёт уже взрослым человеком... Не может же он умирать два раза? А я? Разве я могу умереть в девятом веке, если родилась в двадцатом?»

Но главный волхв снова приближался к лежащему на спине князю, подняв жертвенный нож.

— Оборотень! — криво улыбаясь, шипел он с каким-то нечеловеческим, звериным восторгом.— Я убью тебя, оборотень.

И тут, едва он проговорил последнее слово, светлеющий сумрак короткой весенней ночи озарился нестерпимо ярким фиолетовым светом. Что-то огненное наискось прочертило небо, с треском разорвалось над их головами, и пылающий шар, величиной с тыкву, с шипением вонзился в Перунову гору в нескольких шагах от Фарлафа. На всех пахнуло горячим ветром, сильно запахло едким газом.

Это не было чудом, потому что метеориты падали на нашу землю во все века. Во всяком случае Таня, которая родилась в XX веке, сразу догадалась, что на гору упал метеорит. Но диковатые волхвы, разумеется, ничего этого не знали. Они попадали на колени и завыли от страха. Главного волхва отбросило горячим ветром к изваянию Перуна. Фарлаф прижался спиной к идолу и бормотал перекошенными губами:

— То упала звезда! О, Перун, спаси мя! То упала звезда!

Раскалённый шар, наполовину вонзившийся в землю, оказался пористым куском металла неправильной формы. Он быстро остывал, шипел и дымился, но его верхняя часть всё ещё была багровой.

— Фарлаф,— сказала Таня, строго глядя в глаза главного волхва,— это я попросила Перуна, чтобы он бросил с неба звезду на эту гору!

Волхвы, услышав девочку, сжались и перестали выть.

— Лжа! — приходя в себя, глухо воскликнул Фарлаф.— То Перун подал мне знак, чтобы я скорей пролил жертвенную кровь на священный огонь! Я убью вас!

— Ты не убьёшь нас, Фарлаф! Как только ты поднимешь нож, на Перунову гору упадёт столько звёзд, сколько здесь волхвов! И звёзды снесут всем вам головы!

Волхвы снова тихонько завыли. Но главный волхв всё ещё не сдавался.

— Лжа... Я убью вас...

Он сделал шаг к мальчику.

— Брось нож, Фарлаф! — крикнула Таня.

— Нет,— упрямо твердил кровожадный старец и сделал другой шаг.

— Брось нож!

— Нет,— повторил он, но на этот раз не сдвинулся с места.

— Я считаю до трёх, Фарлаф! Если ты не бросишь нож, то по слову «три» ваши головы разлетятся, как щепа!... Раз!

Волхвы завыли погромче. Кто-то из них жалобно простонал:

— О, премудрый жрец! О, любимец богов, брось нож!

Фарлаф безмолствовал. Он раскачивался из стороны в сторону, словно его не держали ноги.

— Два! — твёрдо сказала Таня.

Фарлаф рывком отбросил нож, свалился на колени и закричал изменившимся тонким, совсем мальчишеским голоском:

— О, пощади мя, отроковица!

— Вот так-то лучше! — глубоко вздыхая, проговорила девочка.

Упавшая на гору «звезда» перестала шипеть и дымиться. В розоватом свете рождающегося утра были отчётливо видны её потемневшие поры и бугорки. Волхвы не сводили с неё испуганных глаз.

— А теперь развяжите нас! — сказала Таня.

Но волхвы не успели этого сделать. В утреннем тумане, со всех сторон наползающем на гору, дробно застучали копыта, в серой дымке замелькали всадники,

и у самого костра встал на дыбы резко осаженный Олегом конь. Лихой княжеский конь, белый как снег, разгорячённый и похрапывающий от скачки...

Отряд дружинников окружил жертвенную площадку. Последним на гору влетел на резвой буланой лошадке взволнованный Игорь. Таня ахнула про себя: кто бы подумал, что её брат может скакать на коне! Милый Игорёк!

— Развяжите их! — спокойно приказал Олег и, указывая на Фарлафа, прибавил: — А этого в кандалы и в темницу! Будет ныне судить его вече!

Олег был очень бледен, но больше ничего не выдавало его волнения. На минуту его взгляд задержался на метеорите.

— Отвезите сей небесный камень в детинец,— сказал он,— сей камень вельми хорошая примета для похода нашего на Киев.

Князь назвал метеорит небесным камнем, а не звездой, так как знал, что звёзды с неба не падают. Он был весьма хорошо образован для своего времени.

ВЕЛЬМИ ВЕЛИКАЯ

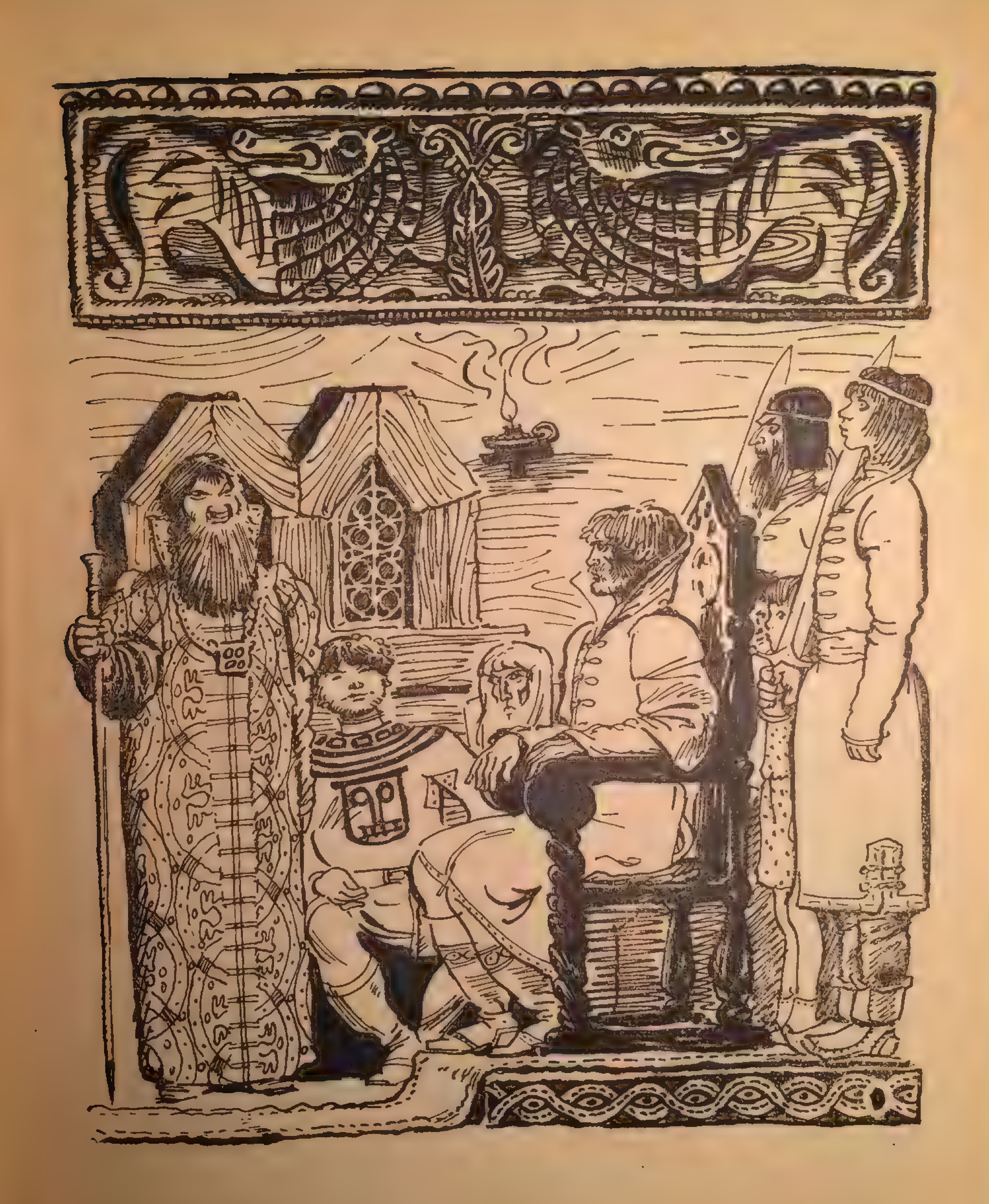
Князь Олег торопился выступить в поход: кончался месяц травень[1], а путь до Киева немалый. Надо бы завершить все ратные дела за лето, пока жарко светит ярило, а короткие дожди и грозы не страшны воинам — только охлаждают разгорячённые тела.

До глубокой ночи заседал в Большой палате совет военачальников. Усталые воеводы докладывали князю о готовности своих отрядов к походу, прихлёбывали из серебряных чаш прохладные напитки, кои то и дело разносили с поклоном княжеские холопы.

Тёзки, два Игоря, и Таня стояли позади Олегова кресла и видели, как воеводы утирают рукавами потные лица. Напитки прохладные, а всё одно — жарко. Горят

[1] Май.

в Большой палате тридцать светильников, от них веет теплом, будто от очага.

В самом углу примостился старый Блюд — новый главный волхв Великого Новгорода. Неотрывно смотрит он на князя Олега, а когда встречается с ним глазами, угодливо улыбается. Никогда не забыть Блюду, как расправилось вече с его предшественником Фарлафом — мороз по коже пробирает! За то, что занёс Фарлаф руку на юного князя, за то, что хотел принести Перуну человеческие жертвы, кои строго-настрого запрещены на Руси, до смерти забили его палачи плетьми. Но старый Блюд знает и другую причину жестокой казни, как знают и все сидящие здесь воеводы. Знают, да только вслух не говорят: слишком часто Фарлаф поступал наперекор княжеской воле, хотел сильнее князя быть! Вот в чём наиглавная причина... Потому и улыбается угодливо князю Олегу волхв Блюд — старая лиса!

Князь Олег поднялся с кресла:

— Братие! Всех вас я выслушал, воеводы смелые! Всё ныне проверено и обдумано, готовы щиты и кольчуги, наточены мечи и копья, натянуты луки, припасены стрелы. Стоят на Волхове и на Ильмен-озере сотни боевых лодий, кои потащат волоком до Днепра наши вои. Ржат повсюду в Великом Новгороде резвые кони, ждут всадников. Время в поход выступать! — Князь умолк на несколько секунд и покосился на Блюда: — А что о сём думает главный волхв?

Воеводы задвигались, обернули бородатые лица на волхва. В их хитроватых глазах засветились чуть приметные выжидательные усмешки.

Блюд вздрогнул и поднялся, тряся длинной бородой.

— Перун, о княже, указует тебе перстом своим путь на Киев...

Воеводы посмеивались в усы, опустив глаза.

— Да будет так! — сказал князь Олег.— Будем поторапливаться, братие, покуда вражеские видоки не дали знать о планах наших Аскольду и Диру и покуда не знают о сём германцы на западе и хазары на востоке. Могут князья Аскольд и Дир заручиться их помощью. Мыслю я, что возьмём мы киевских князей малой кровью, ратной хитростью. Рано утром, как взойдёт ярило, выходим в поход за Русь великую! За вельми великую Русь от моря Русского до окияна Ледового!

...Раным-рано на зорьке запел-загремел на высокой новгородской звоннице вечевой колокол. Таня с братом не слышали его: крепко спали, утомлённые всем пережитым и увиденным. Их разбудил возбуждённый, раскрасневшийся князь Игорь. Звеня ладно сделанными по росту доспехами, в шлеме с голубым еловцем[1] на его острие, с малым мечом на поясе, он был великолепен! Игорь свесил с постели ноги, протёр глаза и только рот открыл от восхищения.

— Скорей, братие! — торопил князь.— Дядя берёт меня в поход на полудень! Приспел час прощаться...

Пока гости одевались, он рассказывал:

— Доспехи снимем, как за город выйдем: тяжело в них воям в походе. А перед ратью опять наденем.— Он вздохнул и прибавил: — Да меня на рать не пустят: мал! Заставят небось в обозе отсиживаться... Однако

---

[1] Флажок на шлеме воина.

во град Киев я с дядей первым войду! — закончил он с гордостью. Будущий киевский князь был честолюбив ещё в детстве.

Он вывел гостей на крепостную стену. Отсюда им был виден весь город как на ладони. Улицы кишмя кишели воинами, колыхались, как лес, копья над их головами. Звенели доспехи, ржали кони, покачивались на весеннем ветру расшитые золотом знамёна и резво трепыхались на шлемах голубые еловицы. В общем шуме нельзя только было разобрать, как плачут дети и горько причитают матери и жёны.

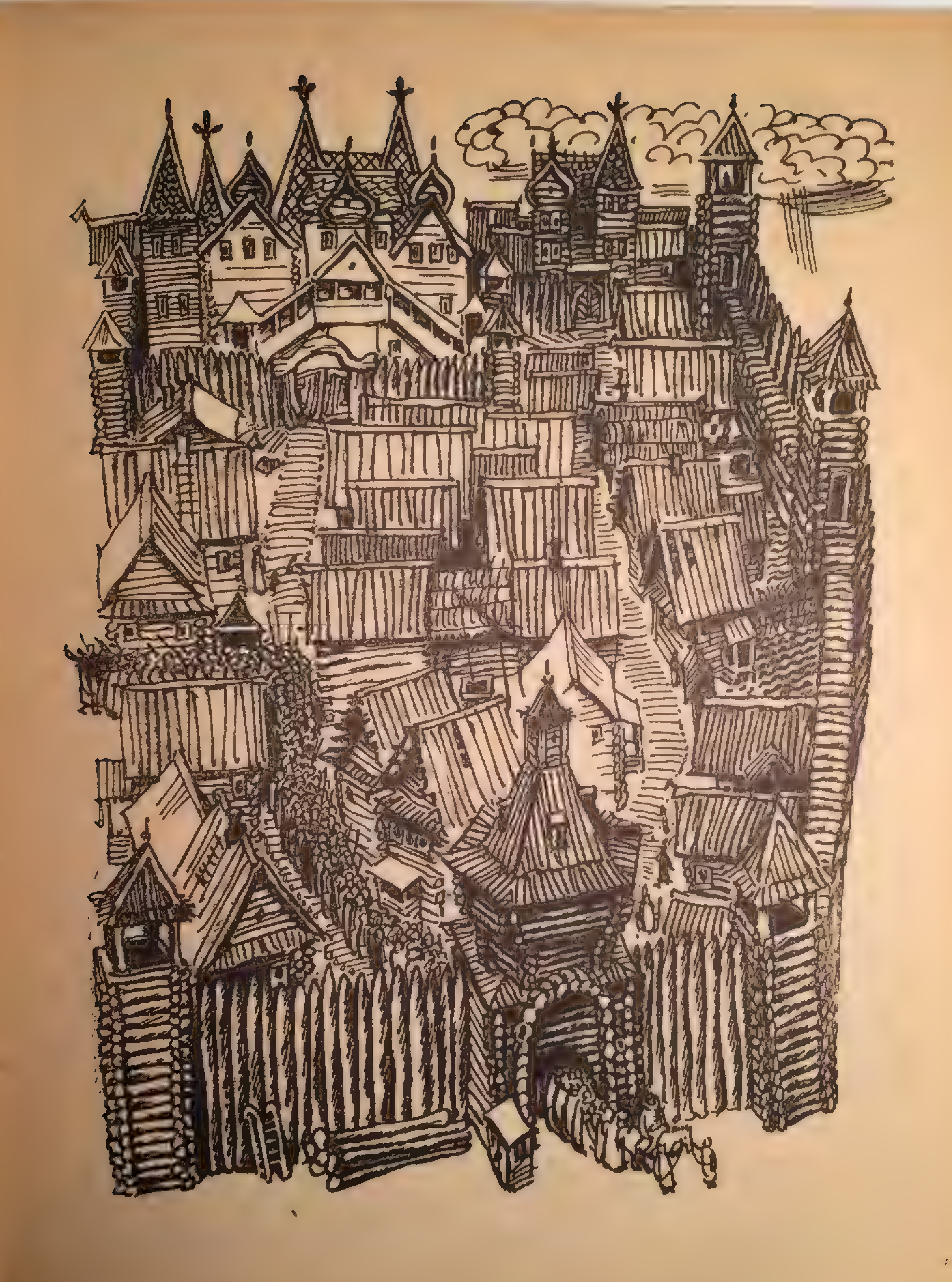
— Прощайте, братие! — сказал князь.

— Прощай, княже!

— Может, ещё свидимся?

— Вряд ли,— вздохнул с грустной улыбкой Игорь.

Князь ушёл. Через несколько минут они увидели его на княжеском дворище. Вместе с Олегом, облачённом

в серебристые доспехи, он вышел на крыльцо терема. По яркому бурмицкому ковру, застилавшему ступеньки, неторопливо спускались два князя, большой и маленький, дядя и племянник. Конюшенные отроки в белых платно подвели им коней, и оба князя одновременно поднялись на сёдла. Таня с братом помахали юному князю, но он уже забыл о них.

Белый конь Олега грыз серебряную узду, бил копытом. Может быть, это был тот самый конь, о котором спустя много веков великий поэт написал:

...Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.

Оба князя неторопливо выехали за ворота кремля.

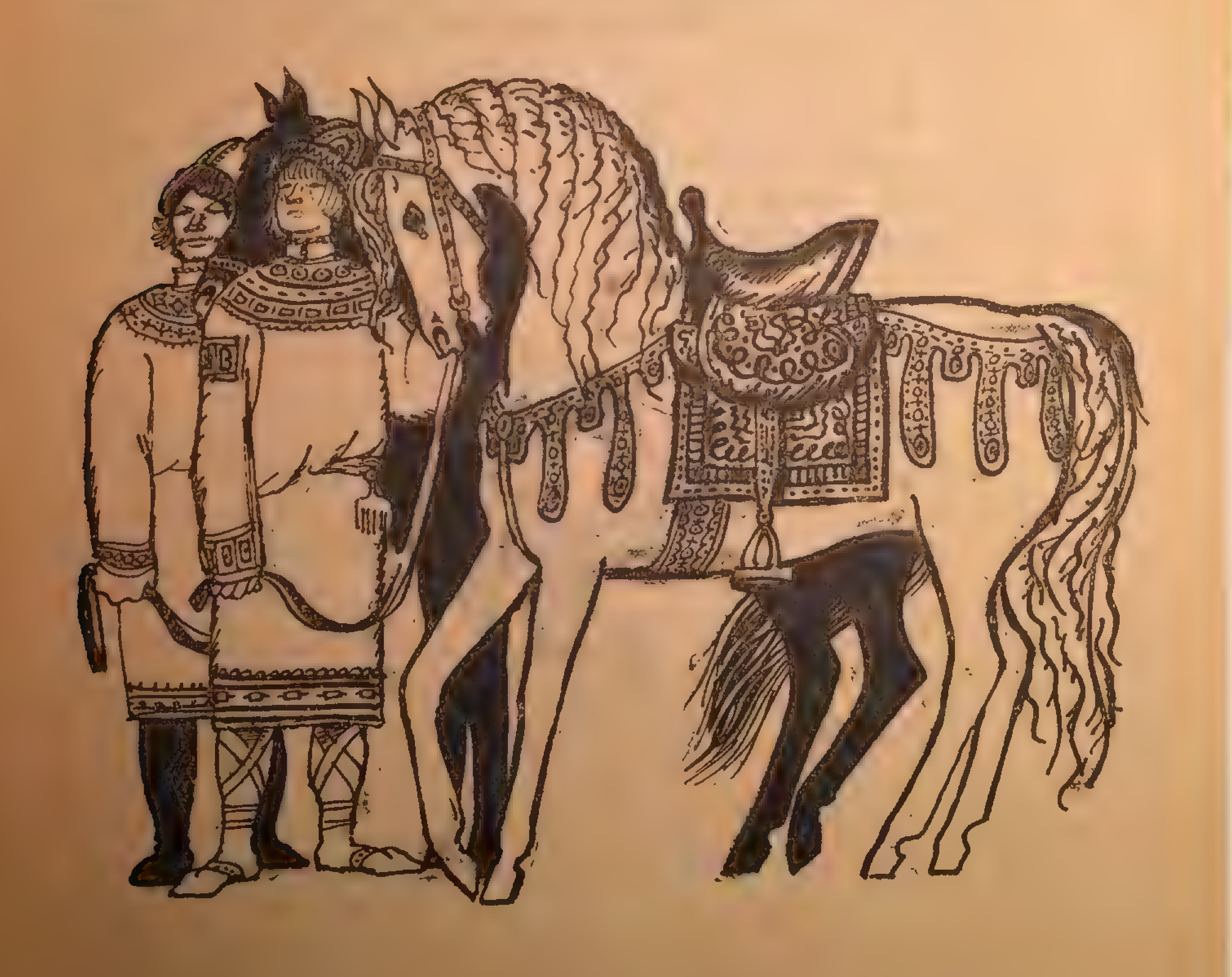
Улицы одна за другой пришли в движение, и из конца в конец перекатами полетел многоголосый вопль:

— Сла-ава-а!..

Начинался первый в истории поход за объединение Руси. Таня с Игорем знали, что воины Олега хитростью возьмут в полон князей Аскольда и Дира. Олег, которого народ назвал вещим, то есть

мудрым, малой кровью овладеет Киевом и будет княжить в нём до самой смерти. Он разобьёт много врагов и построит города и острожки на границах. Но ещё долго будут терзать Русь междоусобные войны, и будет она, многострадальная, истекать кровью от нашествия диких орд. И лишь несколько столетий спустя соберётся Русь грозной и непобедимой силой под знамёнами нового города, ставшего известным всему миру под славным именем Москва.

Уходили новгородские воины на юг. Поднялось над теремами и хижинами солнце, и в его лучах засверкали копья и шлемы. Тане с Игорем показалось, что они

узнали в одном из воинов смерда Гордея. Во всяком случае он помахал им рукой. Но брат и сестра не успели как следует разглядеть его, потому что кругом вдруг сразу потемнело, и они услышали похожий на звон маленького колокольчика голос феи Мечты:

О, родители и дети!
Словно лунное сиянье,
Светит нам из тьмы столетий
Это древнее преданье...
Длинь-длинь-длень,
Возвращайся, новый день!

Снова стало светло. Игорь и Таня сидели на балконе четвёртого этажа. Шурша шинами, под их балконом проезжал автобус.

Далеко за Новгородом зеленели в синей дымке леса и поля. Начиналась у балкона страна без конца и края. Прекрасная, удивительная страна, где люди впервые в истории поистине стали братьями! Вельми великая страна, как говорили наши предки!

Содержание

Фея Мечта 5

Гордей, сын Микулы 10

Большая палата 16

Волхв Фарлаф. 20

Трапеза 27

Вечевой колокол 31

Золотое слово князя Олега 36

Шаги за дверью 46

Новгородская ночь 50

Перунова гора 58

Метеориты падали во все века 64

Вельми великая 70

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

*

Виталий Георгиевич Губарев

ПРЕДАНЬЕ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Художник В. Лосин

Редактор Л. Архарова. Художественный редактор Д. Пчёлкина. Технический редактор Л. Власенко. Корректоры Н. Пьянкова, Н. Шадрина. Сдано в производство 16/XII-68 г. Подписано к печати 16/XII-69 г. Бумага типографская № 2. Формат $70 \times 90^1/_{16}$. Печ. л. 5,5 (5+0,5 л. офс. вкл.) Усл. печ. л. 6,44. Уч.-изд. л. 6,25. Тираж 150 000. Заказ № 1473. Изд. № 23. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, А-55, Бутырский вал, 68. Полиграфкомбинат им. Я. Коласа. Минск, Красная, 23,

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

*

Виталий Георгиевич Губарев

ПРЕДАНЬЕ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Художник В. Лосин

*

Редактор Л. Архарова. Художественный редактор Д. Пчёлкина. Технический редактор Л. Власенко. Корректоры Н. Пьянкова, Н. Шадрина. Сдано в производство 16/XII-68 г. Подписано к печати 16/XII-69 г. Бумага типографская № 2. Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 5,5 (5+0,5 л. офс. вкл.) Усл. печ. л. 6,44. Уч.-изд. л. 6,25. Тираж 150 000. Заказ № 1473. Изд. № 23. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, А-55, Бутырский вал, 68. Полиграфкомбинат им. Я. Коласа. Минск, Красная, 23.

40 коп.